

На правах рукописи

ВОЛКОВА Яна Александровна

**ДЕСТРУКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ**

10.02.19 — теория языка

03 АПР 2014

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

005546562

Волгоград — 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор *Шаховский Виктор Иванович*.

Официальные оппоненты: *Матвеева Галина Григорьевна*, доктор филологических наук, профессор (Южный федеральный университет, профессор кафедры немецкой филологии);

Волошин Юрий Константинович, доктор филологических наук, профессор (Кубанский государственный университет, профессор кафедры английской филологии);

Ренц Татьяна Гавриловна, доктор филологических наук, профессор (Волжский гуманитарный институт (филиал) ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», профессор кафедры лингвистики).

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

Защита состоится 22 мая 2014 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpiu.org> 20 февраля 2014 г.

Автореферат разослан 21 марта 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики. **Объектом** исследования является деструктивное общение как тип межличностного общения. **Предметом** исследования являются общие и специфические характеристики деструктивного общения, а также языковая репрезентация деструктивности в межличностном общении в когнитивном и коммуникативном аспектах.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется следующими факторами: 1) усилением агрессивности в современном российском обществе и, соответственно, необходимостью расширения и углубления знаний о деструктивном коммуникативном поведении личности с целью выработки стратегий и тактик противодействия росту деструктивности в общении; 2) отсутствием комплексных исследований деструктивного общения в теории межличностной коммуникации; 3) необходимостью углубленного изучения средств и способов репрезентации эмоций в коммуникации и связанными с ней вопросами соотношения вербального и невербального в эмоциональной коммуникации; 4) растущим интересом исследователей к различным аспектам экологии языка, в частности к проблеме влияния эмоций на степень экологичности / неэкологичности различных текстов.

В основу выполненного исследования положена следующая **гипотеза**: в структуре межличностного взаимодействия выделяется особый тип эмоционально окрашенного общения – деструктивное общение, базовой целеустановкой которого является возвышение за счет унижения / морального уничтожения партнера. Деструктивное общение характеризуется набором конститутивных признаков, которые предопределяют основные пути его реализации.

Цель настоящего исследования определяется как выявление когнитивных и коммуникативных параметров деструктивного общения, а также языковых средств, репрезентирующих деструктивность в реальной и художественной коммуникации на материале русского языка.

Достижение цели и доказательство гипотезы предполагают решение следующих **исследовательских задач**:

- 1) рассмотреть деструктивность как многомерный междисциплинарный феномен в философском, биологическом, психологическом контекстах;
- 2) определить содержание понятия «деструктивное общение»;
- 3) выявить и описать конститутивные признаки деструктивного общения;
- 4) выявить и описать структуру концептуального пространства деструктивности, проанализировать структуру ядерных эмоциональных концептов, входящих в него;

5) определить и рассмотреть основные компоненты невербальной концептуализации эмоций, входящих в концептуальное пространство деструктивности;

6) выявить и описать тактики, специфичные для коммуникативного поведения деструктивной коммуникативной личности;

7) определить и описать коммуникативные типы деструктивного общения и установить специфику их коммуникативного поведения;

8) рассмотреть деструктивное общение в аспекте эмотивной лингвоэкологии с позиций адресанта и адресата.

В работе использовались следующие методы исследования: 1) общенаучный гипотетико-дедуктивный метод; 2) интроспекция; 3) описательный метод, включающий анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов; 4) метод контекстуального анализа; 5) метод наблюдения, включающий «полевые» наблюдения, т.е. наблюдения за коммуникативным поведением людей в естественных условиях с последующей вербальной регистрацией, а также прием стимулирования межличностной конфронтации, подразумевающий намеренную провокацию агрессии в ситуации общения; 6) концептуальный анализ, включающий в себя понятийное моделирование и этимологический анализ имени концепта, опрос информантов, позволяющий уточнить дифференциальные признаки понятия, анализ средств лексико-фразеологической объективации концепта и анализ корпуса контекстов, в которых данный концепт актуализируется; в рамках данного метода для моделирования эмоциональных концептов использовался частный метод концептуальной метафоры; 7) анкетирование и интервьюирование, а также прием количественного подсчета.

Материал исследования. В качестве материала исследования использованы примеры из художественной и публицистической литературы, устные высказывания, публикации в Интернете, тексты интернет-форумов, стенограммы и видеозаписи передач СМИ на русском языке, видеофрагменты записей реальной коммуникации, выложенные на портале YouTube, материалы Национального корпуса русского языка, данные толковых, энциклопедических, этимологических словарей и словарей синонимов, сборников афоризмов, материалы анкет и опросов. Обработке подвергся массив более 100 тысяч контекстов, из которых было выделено и проанализировано около 8000 контекстов, включая паремии и афоризмы.

Научная новизна исследования заключается, в первую очередь, в выборе объекта исследования и введении в научный обиход понятий «деструктивное общение» и «деструктивная коммуникативная личность». Впервые в лингвистической практике диссертация посвящена комплексному исследованию деструктивности в общении. Кроме того, научная новизна настоящей работы состоит в том, что впервые: 1) деструктивность в общении проанализирована как сложное когнитивно-дискурсивное образование; 2) описаны основные конститутивные параметры деструктив-

ного общения; 3) определено место деструктивного общения в системе смежных понятий; 4) с учетом средств не только вербальной, но и невербальной репрезентации проведено моделирование концептов эмоций, являющихся мотивационной основой деструктивного общения; 5) проанализирована и описана специфика коммуникативного поведения коммуникативных типажей, практикующих деструктивное общение; 6) выявлены и описаны специфические коммуникативные тактики деструктивного общения; 7) проведен анализ ситуаций деструктивного общения с позиций новейшей языковедческой дисциплины – эмотивной лингвозкологии.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в существенном переосмыслении содержания понятия «деструктивное общение» в понятийном аппарате современной коммуникативной лингвистики. Выдвинуто и обосновано его новое определение, установлено его место в ряду смежных понятий, выделены основные конститутивные признаки с позиций теории коммуникации. Уточнение методики исследования эмоциональных концептов вносит определенный вклад в развитие методологии когнитивных исследований. Уточнение и развитие методики исследования коммуникативных типажей, а также выделенные и проанализированные примеры типизируемой коммуникативной личности представляют интерес для лингвоперсонологии. Проведенный анализ деструктивного общения с лингвозкологических позиций вносит вклад в развитие новой отрасли лингвистики – эмотивной лингвозкологии.

Практическая ценность работы обусловлена возможностью применения выводов и материалов исследования в целях совершенствования понимания текста и его адекватной интерпретации. Результаты работы могут найти применение в учебных курсах по языкознанию, стилистике, лекционных курсах и спецкурсах по теории и практике эффективной коммуникации, лингвоперсонологии, прагмалингвистике, а также при разработке лекционных курсов и спецкурсов по общему и сопоставительному языкознанию, стилистике, лингвоконцептологии. Материалы диссертации используются в научно-исследовательской работе студентов, магистрантов и соискателей и могут представлять интерес для практикующих психологов.

Методологическую основу исследования составляют научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений: *лингвоконцептологии* и *когнитивной лингвистики* (А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицкая, Е.Н. Винарская, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Дж. Динсмор, А.А. Залевская, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, С.Х. Ляпин, М. Минский, Н.Н. Панченко, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.Е. Стефанский, В.Н. Телля, А. Ченки, А.П. Чудинов, J. Aitchison, G. Fauconnier, P. Gärderfors, G. Lakoff, Z. Kövecses и др.); *лингвистики эмоций* (В.Ю. Апресян, Л.Г. Бабенко, Ш. Балли, Н.В. Витт, Е.М. Вольф, В.Г. Гак, В.Д. Девкин, М.Д. Гордничкова, В.В. Гуревич, В.И. Жельвис, К.Э. Изард, С.В. Ионова, Н.А. Кра-

савский, Н.А. Лукьянова, В.А. Маслова, Л.А. Пиотровская, В.А. Пищальникова, Н.К. Рябцева, В.Н. Телия, О.Е. Филимонова, В.И. Шаховский, С.С. Янелюкайте и др.); *теории коммуникации и теории дискурса* (М.М. Бахтин, Н.Д. Арутюнова, Н.А. Белоус, Ю.К. Волошин, В.В. Деметьев, Н.Д. Голев, Г.П. Грайс, Т. ван Дейк, О.С. Иссерс, М.С. Каган, Н.В. Казаринова, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, В.В. Красных, В.Н. Куницына, О.А. Леонтович, М.Л. Макаров, Г.Г. Матвеева, О.И. Матяш, А.В. Олянич, В.А. Пищальникова, В.М. Погольша, И.А. Стернин, Е.И. Шейгал и др.); *семиотики* (Р. Барт, М.М. Бахтин, И.Н. Горелов, Г.Е. Крейдлин, Г.В. Колшанский, Ю.М. Лотман, А. Пиз, А.А. Романов, Н.И. Смирнова, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, М. Argyle, R. Birdwhistell, M. Critchley, J. Fast, E.T. Hall, M.R. Key, D. Leathers, A. Mehrabian и др.); *языковой личности и лингвоперсонологии* (Г.И. Богин, О.А. Дмитриева, Е.В. Иванцова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, И.Э. Клюканов, В.П. Нерознак, Н.Н. Панченко, К.Ф. Седов, Л.Б. Сиротинина, В.И. Шаховский и др.); *лингвистической экологии* (Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, Е.С. Кара-Мурза, Е.Ю. Ильинова, А.П. Сковородников, С.В. Ионова, Д.С. Лихачев, В.И. Шаховский, Е. Haugen и др.).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2011–2014 гг.), кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2012–2014 гг.), а также были представлены в виде докладов на конференциях: *международных*: «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2008, 2010, 2011 гг.), «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2008, 2012, 2013 гг.), «Язык. Культура. Коммуникация» (Ульяновск, 2008 г.), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире–2» (Волгоград, 2008 г.), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире–5» (Волгоград, 2010 г.), «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире–6» (Волгоград, 2012 г.), «Экология языка и речи» (Тамбов, 2011 г.), «Язык как система и деятельность–4» (Ростов-на-Дону, 2013 г.); *всероссийских и региональных*: «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики» (Волгоград, 2009 г.), «Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности» (Иркутск, 2011 г.), общероссийском научно-теоретическом семинаре «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» (Волгоград, 2012 г.), интернет-конференции Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов (Сибалтэкс) «Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридика-лингвистическая герменевтика» (Кемерово–Новосибирск–Барнаул, 2012 г.).

По теме диссертации опубликовано 44 работы общим объемом 40 п.л.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты. Стремление личности возвыситься за счет унижения / морально-го уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения, что предопределяет основные пути его реализации.

2. Ситуация деструктивного общения характеризуется обязательным наличием в ней пяти конститутивных признаков: а) деструктивная интенция; б) отрицательный эмоциональный стимул; в) индикаторы вербальной агрессии и/или невербальные маркеры враждебности/агрессии; г) отрицательная реакция адресата, д) положительная реакция адресанта.

3. Исходя из различных форм проявления агрессии в коммуникации, возможности объективного наблюдения за проявлениями агрессивности и учета причинно-следственных связей между задачами общения и стратегиями, тактиками поведения коммуникантов, мы выделяем три типа ситуаций деструктивного общения: а) ситуации открытого деструктивного общения; б) ситуации скрытого деструктивного общения; в) ситуации пассивно-деструктивного общения. Данные типы ситуаций деструктивного общения характеризуются преобладанием в них определенной речевой стратегии, а также набором невербальных компонентов, выступающих основным критерием / признаком при отнесении той или иной ситуации общения к конкретному деструктивному типу.

4. Деструктивность – это концептуальное пространство, состоящее из совокупности разнородных концептов, в число которых входят концепты эмоций, вызывающие и поддерживающие деструктивное поведение индивида, представления о факторах и ситуациях, способствующих актуализации и эскалации агрессивного поведения человека, концепты эмоций, возникающие в результате совершения деструктивного акта, прототипические и парапрототипические сценарии деструктивного поведения человека.

5. Концептуальное пространство деструктивности имеет достаточно четко организованную полевую структуру. К ядерным концептам концептуального пространства деструктивности относятся эмоциональные концепты «гнев», «зlobа», «ярость», «ненависть», «презрение»; эмоционально-поведенческие концепты «месть», «ревность», «черная зависть», прототипические когнитивные сценарии деструктивного поведения; к ближней периферии – эмоциональные концепты «раздражение», «неприятнь», «обида», «страх», т.е. находящиеся в причинно-следственной связи с эмоциями-стимулами деструктивного поведения, все парапрототипические сценарии развития «агрессивных» эмоций; дальнюю периферию формируют концепты, содержание которых имеет опосредованное отношение к феномену деструктивности.

6. Концепты эмоций, входящие в ядро концептуального пространства деструктивности, обладают значительными когнитивными сходствами, что свидетельствует о наличии у данных эмоций общей концептуальной основы. Эти эмоции характеризуются кластерностью, и их концептуализация материализует представления человека об агрессии как о некой спонтанной силе, с трудом поддающейся сознательному контролю человеком. Вербальная концептуализация деструктивных эмоций представляет собой, в первую очередь, их знаковую соматическую фиксацию. В языковой картине мира данных эмоций представлено в основном отражение невербальных процессов: физиологических процессов, сопровождающих переживание эмоции, и сопряженных с ними физических проявлений эмоций.

7. Коммуникативное поведение личности в ситуациях деструктивного общения связано с выбором базовой целеустановки, стратегии и тактики. В зависимости от того, какими доминирующими эмоциями мотивируется коммуникативное поведение и в какой форме оно реализуется, возможно выделение коммуникативных типажей, ориентированных на открытое деструктивное поведение (коммуникативный типаж «хам»), коммуникативных типажей, ориентированных на скрытое деструктивное поведение («завистник»), и коммуникативных типажей, практикующих различные виды деструктивного поведения («ревнивец»).

8. В аспекте эмотивной лингвоэкологии деструктивное общение может рассматриваться как амбивалентно-экологичное с позиции адресанта, т.к., с одной стороны, оказывает негативное воздействие на личность субъекта деструктивной коммуникации, а с другой – вызывает у него катарсис деструктивных эмоций и/или положительную эмоциональную реакцию. Однако с позиции адресата деструктивное общение квалифицируется как однозначно неэкологичное, ибо оказывает разрушительное действие на его психоэмоциональное состояние и личность в целом.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка лексикографических источников и принятых сокращений, а также списка источников примеров.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Теоретические основы исследования деструктивного общения» обсуждаются и уточняются теоретические положения, служащие методологической базой диссертационного исследования, рассматривается деструктивность в системе научного знания, формулируется определение деструктивного общения, выделяются и описываются его параметры, определяется место деструктивного общения в ряду смежных понятий, предлагается классификация ситуаций деструктивного общения.

Одним из базовых понятий настоящего исследования является понятие деструктивности, единая трактовка которого отсутствует в современной науке. Философское понимание деструктивности (в рамках философских течений метафизики и постмодернизма) акцентирует ее амбивалентную природу и сущность, выделяя особым образом созидательный компонент исследуемого явления (И.В. Лысак). Деструктивность является характеристикой особого типа человеческой деятельности, получившей название деструктивной деятельности, которая находит выражение в разрушении существующих объектов и систем окружающего и внутреннего мира человека.

Краткий обзор исследований, посвященных биологическим и нейрофизиологическим основаниям деструктивности, позволил сделать вывод о том, что данные о влиянии нейрофизиологических факторов на деструктивную деятельность человека пока еще спорны и нуждаются в дальнейшем изучении, т.е. представляется невозможным утверждать, что деструктивность в человеке обусловлена чисто биологически и физиологически. Это, в свою очередь, подводит к мысли о том, что основную роль в формировании деструктивности в человеке играют социо-психологические и социокультурные факторы.

Различные психологические концепции агрессии (в частности, инстинктивистские и бихевиористские) не смогли провести четкую грань между агрессией и деструктивностью, хотя их представители, несомненно, ощущали необходимость разделения этих понятий. Задача была решена в учении Э. Фромма, основное положение которого заключается в том, что необходимо строго различать доброкачественную агрессию, т.е. агрессию «биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни», от «злокачественной агрессии, не связанной с сохранением жизни» (Э. Фромм). Анализ психологических и психоаналитических теорий агрессии выявил тот факт, что, несмотря на схожесть внешних проявлений, агрессия и деструктивность представляют собой явления разной природы. В отличие от естественной, «доброкачественной» агрессии, которая свойственна всем представителям животного мира, деструктивность есть сложный феномен, свойственный только человеку. Она носит осознанный характер, *не* является защитой от нападения или угрозы и *не* заложена в филогенезе. Одним из возможных каналов проявления деструктивности является общение как самый распространенный вид человеческой деятельности.

До настоящего времени в теории коммуникации была принята широкая трактовка деструктивного общения, под которым понимаются «формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» (В.Н. Куницына и др.). Представляется, что в основе деструктивного общения лежит понимание деструктивности как сознательного совершения индивидом агрессивных действий с целью

нанести вред и причинить страдания другому индивиду, сопровождаемое при этом чувством удовлетворения от совершенных деяний.

Исследуемый в реферируемой работе тип общения может быть охарактеризован согласно ряду параметров (Т.Г. Ренц). Коммуникативная цель деструктивного общения заключается в стремлении травмировать собеседника, причинить ему психологический или даже физический вред, всячески умалить его личностную значимость; по свободе выбора партнера деструктивное общение квалифицируется как инициативное, т.к. предполагает наличие возможности выбора партнера по общению; по продолжительности – как не имеющее четких границ; по стилю – агрессивное; по соотношению формы и содержания оно может быть прямым и косвенным.

Наличие эмоционального стимула признается важнейшей характеристикой исследуемого типа общения: деструктивное общение всегда мотивировано эмоциональной составляющей, ибо эмоциональное сознание является способом деятельности индивида. Существование эмоциональной памяти и эмоционального интеллекта доказывается не только практическим опытом (К.С. Станиславский), но и рядом исследований (Д. Гоулман, К. Изард, А.А. Леонтьев, А. Ортони, С.Л. Рубинштейн и др.). В лингвистической теории эмоций доказано, что эмоции не просто зафиксированы в языковых средствах и находят отражение в человеческой коммуникации, но и определяют процесс коммуникации и являются одной из довербальных информационных структур и в конечном итоге мотивационной основой человеческого сознания (В.И. Шаховский). Именно эмоции определяют степень деструктивности в коммуникации и координируют процесс деструктивного общения. Традиционно основными эмоциями, стимулирующими агрессивное поведение вообще и деструктивное поведение в частности, считаются гнев (в кластер которого входят раздражение, злорада, ярость), отвращение и презрение (К. Изард). К эмоциональным стимулам деструктивного общения относятся также сложные эмоционально-когнитивные комплексы, такие как ненависть, зависть, ревность, а также сложные кластерные эмоционально-когнитивные комплексы (любовь-ревность, любовь-ненависть, зависть-ревность) и т.п.

Семиотическое пространство деструктивного общения формируется вербальными и невербальными знаками. Вербальная семиотическая система представлена, прежде всего, инвективной, грубой и вульгарной лексикой, использование которой, однако, не всегда является показателем агрессии / деструктивности в общении. Определяющую роль при отнесении ситуации общения к деструктивному типу играют невербальные компоненты коммуникации, на которые ложится максимальная смысловая нагрузка.

Для составления развернутого определения исследуемого типа общения, с точки зрения теории коммуникации, понятие деструктивного общения было последовательно отграничено от смежных явлений конфликтно-

го речевого взаимодействия, инвективного словоупотребления, вербальной агрессии, языкового насилия, языкового преступления.

В работе показано, что понятие конфликта и конфликтного речевого взаимодействия существенно шире, чем понятие деструктивного общения. Данные понятия не тождественны друг другу: конфликтное взаимодействие может быть как конструктивным, так и деструктивным, в то время как деструктивное общение представляет собой один из способов коммуникативного поведения в ситуации конфликта. При рассмотрении соотношения вербальной агрессии и деструктивного общения было установлено, что, с одной стороны, деструктивное общение включает только часть агрессивных вербальных действий, а именно ту, которая касается намеренного, целенаправленного, инициативного деструктивного воздействия. С другой стороны, одних проявлений вербальной агрессии может быть и недостаточно, чтобы квалифицировать общение как деструктивное. Таким образом, делается вывод о необходимости учета интенциональной, эмоциональной и невербальной составляющих конкретной ситуации общения. «Язык вражды» / «язык ненависти» может быть рассмотрен как элемент деструктивного общения, т.к. установки на оскорбление и унижение оппонента являются базовыми для данного типа общения.

Языковое насилие, под которым понимается открытое или скрытое воздействие на адресата с целью изменения его личностных установок (А.П. Сковородников), не обязательно сопряжено с деструктивным воздействием на адресата и в том числе с деструктивными интенциями. Понятие языкового преступления, тесно связанное с манипулированием общественным сознанием и сферой СМИ, включает в себя, прежде всего, распространение недостоверной информации (Ю.А. Золотарева) и, хотя и характеризуется деструктивностью воздействия, не может рассматриваться как собственно деструктивное общение.

Инвективное словоупотребление может рассматриваться в рамках деструктивного общения, если оно реализует агрессивную установку, т.е. сознательно направлено на оскорбление и унижение адресата. Однако неприемлемая с точки зрения этических и литературных норм тональность общения не относит ситуацию общения к деструктивному типу, если отсутствует интенция унижить или оскорбить адресата, и сам адресат принимает такой стиль общения.

Таким образом, проведенный анализ содержания понятий, смежных с понятием деструктивного общения, позволяет сделать вывод, что классифицировать ту или иную ситуацию общения как деструктивную можно только в связи с реальными условиями общения – целями, временем, местом, характером общения, составом коммуникантов. Квалифицируя ту или иную ситуацию как ситуацию деструктивного общения, необходимо учитывать следующие условия коммуникации: 1) коммуникативное намерение говорящего (намерение причинить вред адресату); 2) характер об-

щения (формальное / неформальное); 3) общую коммуникативную установку (наличие отрицательного эмоционального стимула); 4) определенный набор вербальных и/или невербальных средств (средств вербальной агрессии / невербальных маркеров враждебности, агрессии); 5) реакцию адресата (отрицательная); 6) реакцию адресанта (положительная).

Обобщая вышесказанное, на основании понимания деструктивности как «злокачественной формы агрессии» Э. Фромма мы относим ситуацию общения к деструктивному типу, если в ней наличествуют следующие конститутивные признаки: а) деструктивная интенция: в основе деструктивного общения всегда лежит намерение причинить объекту физический или моральный вред любым способом; деструктивные интенции далеко не всегда «лежат на поверхности» – не каждый человек способен признаться даже самому себе, что он сознательно и целенаправленно задевает чувства, унижает либо оскорбляет собеседника; б) эмоциональный стимул: деструктивное общение per se стимулируется эмоциями комплекса враждебности (К. Изард) и их производными; в) реализация: деструктивность реализуется в ситуациях деструктивного общения, в которых присутствуют вербальные / невербальные ключи – показатели проявлений прямой или косвенной агрессии; г) «фактор адресата»: адресат негативно реагирует на коммуникативное поведение адресанта, в ситуации общения наличествуют отрицательные эмоциональные (вербальные и/или невербальные) реакции адресата на коммуникативное поведение адресанта; д) после завершения деструктивного события субъект испытывает чувство удовлетворения / превосходства, положительно оценивая себя и свои вербальные / невербальные действия.

Таким образом, систематизация существующих точек зрения на проблемы межличностной коммуникации, анализ основных философских, нейрофизиологических и социопсихологических концепций агрессии и деструктивности позволили выделить деструктивное общение как особый тип межличностной коммуникации и предложить его следующее определение. **Деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения, направленного на осознанное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда, характеризующегося негативной реакцией со стороны адресата и чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты со стороны адресанта.**

Стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения, что предопределяет основные пути его реализации. Наиболее удобной и универсальной для исследуемого типа общения, на наш взгляд, является классификация по признаку доступности / недоступности агрессивных и деструктивных проявлений для объективного восприятия. Во-первых, она согласуется с известными дихотомиями агрессивно-

го поведения человека (физическая – вербальная, активная – пассивная, прямая – косвенная агрессия) (А. Buss), во-вторых, мы можем объективно фиксировать определенные признаки (вербальные и невербальные), позволяющие отнести ситуацию к деструктивному общению согласно вышеуказанным критериям как в художественной, так и в реальной коммуникации. Таким образом, выделяются три основных типа ситуаций деструктивного общения: ситуации открытого, скрытого деструктивного общения, а также пассивно-деструктивного общения. К ситуациям открытого деструктивного общения относятся такие, которые непосредственно доступны для внешнего наблюдения через невербальные / вербальные ключи, мотивированы интенцией причинить вред объекту агрессии, который при этом совпадает с истинным фрустратором. Мы относим сюда также ситуации прямой вербальной агрессии, имеющей намерение оскорбить, унижить, дискредитировать человека. Вербальная составляющая представлена разнотипной инвективной лексикой, включая обсценную лексику (мат), ругательную нелитературную лексику (*хабалка, надла, обалдуи* и др.), ненормативную разговорную лексику (*подонок, грязное отродье, стерва, сволочь* и др.), литературную лексику с ингерентным инвективным компонентом (*вор, убийца, клоун, свинья, козел, мародер, гадина* и др.), а также литературную лексику с адгерентным инвективным компонентом (*шительгент / интеллигентка, профессор* и др.), уничижительное значение которой реализуется только в определенных контекстах. Невербальная составляющая коммуникативного поведения (включающая наблюдаемые невербальные проявления агрессивных состояний языковой личности (для ситуаций устного общения) и языковые описания невербальных проявлений таких состояний (для художественного текста)) является определяющей для отнесения той или иной ситуации деструктивного общения к открытому типу.

Под скрытым деструктивным общением понимается такой способ коммуникативного поведения, когда субъект не может выразить свою враждебность в форме открытой агрессии и прибегает к использованию косвенных форм агрессии, а также к переориентации агрессии на другие объекты. Ситуации переориентированной или замещающей агрессии представляют собой особую разновидность скрытого агрессивного общения. Явление переориентации агрессии закреплено в семантике ряда языковых единиц: *выместить зло, сорвать злость / гнев на ком-либо/чем-либо, отвести душу. И отлично понимал, что ее и на свете-то нету, к сожалению, этой воображаемой морды, которую так часто хочется набить, чтобы отвести душу; можно только срывать обиды и злость на тех, кто послабее или беззащитнее тебя* (Ф. Кнорре. Орехов).

Синонимичными вышеуказанным языковым единицам являются просторечные выражения «оттянуться на ком-либо», «оторваться на ком-либо»: *Позднее, в восьмидесятые, когда диаспора ещё не была диаспорой, а*

только околачивала пороги ОВИРов, многие из тех, кому типа отказали в визе по фальшивому вызову, искали отплынуть на Шафаревиче (В. Баранов. Малый народ как малый параметр).

Под пассивно-деструктивным общением понимается способ коммуникативного поведения, при котором враждебное отношение субъекта реализуется в разнообразных видах деятельности, не направленных непосредственно на объект агрессии. Так, например, тактика игнорирования общения в семейной коммуникации рассматривается нами как в высшей степени деструктивная, несмотря на то, что в подобных ситуациях полностью отсутствуют элементы открытого агрессивного поведения.

Во второй главе «Концептуальное пространство деструктивности» обсуждается понятие концептуального пространства, выделяются и анализируются концепты трех эмоций, входящих в ядро концептуального пространства деструктивности: ненависти, зависти, ревности. Отдельно рассматривается невербальная концептуализация этих эмоций, а также факторы, способствующие эскалации деструктивности в общении.

В реферируемой работе деструктивность рассматривается как концептуальное пространство, состоящее из совокупности различных концептов: в первую очередь, в него входят концепты эмоций, вызывающих и поддерживающих деструктивное поведение (прежде всего сюда включены эмоции группы гнева (раздражение, злоба, гнев, ярость, ненависть), другие враждебные эмоции (отвращение, презрение)), эмоционально-поведенческие концепты (например, месть, зависть, ревность), представления о факторах и ситуациях, способствующих актуализации и эскалации агрессивного поведения (вербальное оскорбление, а также ряд невербальных факторов, куда можно включить высокую температуру окружающей среды, внешний вид жертвы, «заражение агрессией» через кино и телевидение и др.), концепты эмоций, возникающих в результате совершения деструктивного акта (вербального или невербального) (страх, отвращение, ответная ненависть, презрение и т.п.). В концептуальное пространство деструктивности входят также прототипические и парепрототипические сценарии деструктивного поведения. Данные единицы концептуального пространства основаны на социально-культурной информации, которую человек приобретает в течение жизни в обществе. Они представляют собой глубинный слой когнитивного устройства человека, когнитивную пропозиционную модель организации знаний о стереотипной ситуации, реализующей деструктивное поведение.

Очевидно, что не все концепты и когнитивные сценарии, входящие в концептуальное пространство деструктивности, имеют одинаковую значимость. Анализ практического материала показал, что к ядерным концептам концептуального пространства деструктивности можно отнести эмоциональные концепты злобы, ярости, ненависти, презрения, эмоционально-поведенческие концепты «месть», «ревность», «черная за-

висть», прототипические когнитивные сценарии деструктивного поведения; к ближней периферии – эмоциональные концепты раздражения, неприязни, обиды, страха, т.е. находящиеся в причинно-следственной связи с эмоциями-стимулами деструктивного поведения, все парапрототипические сценарии развития «агрессивных» эмоций; к дальней периферии – концепты, имеющие опосредованное отношение к деструктивности, например, «ложь», «любовь», «свобода» и др. При изучении и структурировании концептуального пространства деструктивности особое внимание уделяется анализу лингвистической репрезентации эмоционального аспекта исследуемого явления.

Под концептом в современной лингвистике принято понимать сложное ментальное образование, в структуре которого выделяются взаимосвязанные между собой когнитивная и образно-оценочная части (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.). Ставшая классической трехступенчатая модель концепта, однако, представляется нам недостаточно объемной в тех случаях, когда речь идет о концептуализации эмоций. Ряд ученых обратили внимание на тот факт, что языковой знак представляет концепт не полностью, а передает лишь часть релевантных для сообщения признаков (З.Д. Попова, И.А. Стернин). С учетом существующих теорий и методик когнитивных исследований в работе применяется следующая методика изучения эмоциональных концептов, основанная на лингвистическом описании эмоций: в определение понятийного компонента эмоционального концепта, кроме анализа словарных дефиниций, включается анализ концептуальных метонимий, относящихся к внутренним физиологическим реакциям и к непроизвольным поведенческим реакциям. Далее, используя метод концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и Э. Кёвечеса, систематизируем устойчивые выражения, используемые для описания изучаемой эмоции в языке, в классы концептуальных метафор и родственных концептов. Затем полученные классы анализируются и систематизируются с точки зрения выявления когнитивных моделей, или сценариев, среди которых, один, как правило, является инвариантом, или прототипом, а остальные – отступлениями от него.

В реферированном исследовании проведено моделирование трех концептов эмоций, входящих в ядро концептуального пространства деструктивности: ненависти, зависти, ревности. Следует отметить, что, подобно большинству человеческих эмоций, данные эмоции характеризуются амбивалентностью, проявляющейся как в противоречивости их социальной природы (ревность, например, может объединять в себе любовь и ненависть), так и в двойственности их оценки социумом (ср.: *праведная / священная ненависть; белая / хорошая зависть; здоровая ревность*). В работе исследуется только та сторона концептуализации данных эмоций, которая непосредственно вытекает из их деструктивной природы, что соотносится с поставленными целями и задачами.

В толковых словарях ненависть чаще всего определяется через понятие вражды высокой степени интенсивности. Анализ словарных дефиниций лексемы «ненависть» позволил выделить ее следующие компоненты: 1) ненависть является очень сильной эмоцией; 2) ненависть концептуально связана с враждой; 3) ненависть предполагает желание зла объекту; 4) в основе ненависти может лежать отвращение / омерзение, т.е. физиологические эмоции, не связанные напрямую с понятием злости и вражды. Определенный вклад в размытость дефиниции ненависти вносит и этимология данного слова: глагол «ненавидеть» считается образованным от *навидѣти*, что означает «охотно смотреть, навещать» («Этимологический словарь русского языка»): Таким образом, очевидно, что ненависть в бытовом значении трактуется очень широко – это, по сути дела, гипероним «деструктивных» эмоций, начиная с недоброжелательности и заканчивая отвращением и злобой. Интерес представляет тот факт, что ни в одной из дефиниций ненависть не определяется через гнев/ярость, хотя клинически доказано, что именно эти эмоции (аффекты) лежат в основе собственно ненависти. Широкое толкование данной лексической единицы представляет столь же широкие возможности ее употребления: в выборке высказываний посетителей различных интернет-сайтов (250 высказываний) представлены разнообразные объекты ненависти, начиная с членов семьи и заканчивая Днем святого Валентина. Содержательный анализ данных высказываний позволил также выделить три типа мотивационных основ ненависти: эмоциональную, когнитивную и бессознательную / неосознаваемую. Эмоциональная мотивация ненависти представлена высказываниями типа *Я ненавижу его, потому что он омерзителен; Ненавижу мужчин, которые ненавидят женщин* и т.п. Говорящий в данном случае понимает причину своей ненависти и связывает ее со своей отрицательной эмоциональной реакцией на объект ненависти. В случае когнитивной мотивации говорящий четко осознает, что именно в объекте вызывает его ненависть. Данный тип мотивации представлен высказываниями *Я ненавижу своего мужа, потому что он неряха; Я ненавижу детей, потому что они все время орут* и т.п. В случаях, когда мотивационная основа ненависти не осознается самим говорящим, можно говорить о бессознательной либо неосознаваемой мотивационной основе ненависти: *Она не сделала мне ничего плохого, но я все равно ее ненавижу*. Однако необходимо помнить, что разграничение данных типов мотивационных основ условно, т.к. у истоков ненависти (какой бы она ни была) всегда стоит эмоция – первичный аффект.

Анализ практического материала показал, что основными концептуальными метонимиями ненависти выступают ПОКРАСНЕНИЕ В ОБЛАСТИ ЛИЦА И ШЕИ, ВОЗБУЖДЕНИЕ и НАРУШЕНИЕ ТОЧНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ. В пользу того, что ненависть стимулируется и подогревается эмоциями гнева / ярости, свидетельствует также ряд концептуальных метафор ненави-

сти, составляющих основу образного компонента рассматриваемого концепта: НЕНАВИСТЬ КАК ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ (*ненависть обессилила, истерзала, овладела; преодолеть, одолеть, укротить, победить ненависть; неукротимая ненависть*), НЕНАВИСТЬ КАК БОЛЕЗНЬ (*болен ненавистью, излечиться от ненависти, избавиться от ненависти*); НЕНАВИСТЬ КАК СТИХИЯ (*ненависть захлестывает, оболакивает*), НЕНАВИСТЬ КАК ЖАР (ОГОНЬ + ГОРЯЧАЯ СУБСТАНЦИЯ В КОНТЕЙНЕРЕ) (*ненависть накапливается, распирает, взорвалась; ненависть полыхает, накаляет душу; жгучая, горячая ненависть; горящий ненавистью (взгляд); полный ненависти; огонь / пожар ненависти; потушить ненависть*), НЕНАВИСТЬ КАК ЗВЕРЬ ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА (*лютая, звериная ненависть*), НЕНАВИСТЬ КАК ТЯЖКОЕ БРЕМЯ (*груз ненависти, освободиться от ненависти*).

В результате проведенного анализа концепта «ненависть» было установлено, что в русском языке лексемы «ненависть», «ненавидеть» широко используются для обозначения и выражения кластера отрицательных эмоций, в которые, кроме эмоций субкластера гнева / ярости, входят эмоции субкластеров отвращения, презрения и некоторых других, т.е. ненависть концептуально связана с различными агрессивными эмоциями и враждебными эмоциональными состояниями. Несмотря на столь значительные расхождения в эмоциональной и мотивационной составляющих, ненависть имеет единый когнитивный компонент, включающий планирование агрессивных действий против объекта ненависти, что нашло отражение в построенном прототипическом сценарии ненависти. Использование глагола «ненавидеть» для обозначения состояний низкой степени эмоциональности (*Я ненавижу крепкий кофе*) связано как с семантикой данного глагола, так с индивидуальными психологическими особенностями говорящего субъекта. Возможно, что само слово «ненавижу» катарсично по своей природе: произнося «я ненавижу» вместо «мне не нравится», говорящий освобождается от переполняющих его отрицательных эмоций. Мы также полагаем, что широкое употребление данной словоформы актуализирует саму неприязнь и в какой-то мере нивелирует мощный агрессивный потенциал ненависти, что не означает исчезновения или стирания базовых характеристик исследуемого концепта.

Зависть рассматривается в психологии как психический комплекс, в состав которого входят: чувство враждебности, желание уничтожить фрустратора или хотя бы нанести ему ощутимый вред, совершив агрессивные действия; когнитивные (познавательные) элементы: знание об успехах другого, сравнение со своими достижениями, оценка уровня справедливости; готовность к агрессивным действиям по отношению к объекту зависти и воображаемые схемы таких действий (К. Муздыбаев, А. Налчаджян). Дефиниционный анализ выявил такие базовые компоненты позитивного ядра концепта «зависть», как «неудовольствие», «досада», «же-

лание обладать ценностями другого», «нежелание добра другому». Этимологически прослеживается связь с производным от *завида* «зависть», образованного от *завидеть* «завидовать», префиксальной формы к *видеть* («*Этимологический словарь русского языка*»). Однако, несмотря на то, что ни в одном из проанализированных определений, равно как в этимологии, не прослеживается непосредственная связь зависти с агрессивной и деструктивностью, обиденное сознание прочно связывает зависть с такими эмоциями, как злоба и ненависть. Данный факт иллюстрируется, например, многочисленными афористическими высказываниями: *Из всех страстей зависть самая отвратительная. Под знаменем зависти шествуют ненависть, предательство и интриги* (К. Гельвеций); *Ненависть – активное чувство недовольства, зависть – пассивное. Нечего удивляться тому, что зависть быстро переходит в ненависть* (И.-В. Гете) и др. Последние исследования телесных реакций для различных эмоций, проведенные швейцарским Центром аффективных исследований, также показали, что зависть / ревность (в английском языке эти эмоции могут обозначаться одним словом “jealousy”) и ненависть (“hate”) имеют чрезвычайно близкие коэффициенты по шкале «возбуждение» и «температура тела»: при анализе слов-номинантов эмоций, основанном на телесных реакциях, точность определения зависти / ревности составила 44,1%, а эмоцией, с которой информанты путали данные эмоции, была ненависть (K. Scherer, J. Fontaine).

Что касается физиологических проявлений зависти, то необходимость скрывать это чувство от окружающих нивелирует практически все внешние проявления рассматриваемой эмоции. Основным физиологическим симптомом зависти является побледнение лица, т.к. сжимаются кровеносные сосуды и повышается артериальное давление, или пожелтение лица, т.к. кровь насыщается жёлчью. Данный физиологический симптом дает основание концептуальной метонимии РЕЗКОЕ ПОБЛЕДНЕНИЕ ЛИЦА у человека, испытывающего зависть, обозначает зависть. Данный физиологический симптом характерен не только для зависти, но и для некоторых других эмоций, например страха, горя, злости, гнева, поэтому эмоция должна быть названа в описании ее внешнего проявления, т.е. описание эмоции должно быть эксплицитным (*позеленеть / побледнеть / пожелтеть от зависти*). От зависти можно также покраснеть или почернеть, однако если покраснение является вариантом физиологической симптоматики зависти (так же, как и в случае с гневом и ненавистью), то «черный от зависти» представляет собой метафорический перенос, ибо зависть ассоциируется с плохим, т.е. черным цветом. «Цветовая» метафора зависти входит в образную составляющую рассматриваемого концепта.

Анализ образной составляющей концепта «зависть» методом концептуальной метафоры показал, что самыми распространенными концептуальными метафорами зависти являются следующие: ЗАВИСТЬ ЕСТЬ (ГО-

РЯЧАЯ) СУБСТАНЦИЯ В КОНТЕЙНЕРЕ, которым является тело человека (*лопаться / лопнуть от зависти, полный зависти, кипит зависть*); ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА (*зависть родилась / умрет / растет /пожирает, питать*); ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ЖАР / ОГОНЬ (*искра зависти, зависть обжигает, неугасимая зависть, разжечь зависть*); ЗАВИСТЬ ЕСТЬ БЕЗУМИЕ (*обезуметь от зависти*); ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ТЯЖЕЛЫЙ ГРУЗ (*освободиться от зависти, отбросить зависть*); ЗАВИСТЬ ЕСТЬ ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ (*зависть подкралась / охватила / душила, бороться / справиться с завистью*). Подобно противнику в борьбе, зависть «издевается» над человеком: *грызет, терзает, мучит, гложет, сосет, кусает, жалит, колет*. То же самое с человеком делает и болезнь, поэтому мы рассматриваем метафору ЗАВИСТЬ ЕСТЬ БОЛЕЗНЬ как частный случай предыдущей концептуальной метафоры.

В качестве концептов, родственных концептам «ненависть» и «зависть», были выделены и проанализированы концепты «желание» и «удовольствие». Однако применительно к рассматриваемым эмоциональным концептам они имеют свою специфику. Концепт желания определен как родственный для эмоционального концепта «ненависть», т.к. ненависть вызывает желание причинить вред объекту эмоции (моральный или физический). Концепт «удовольствие» был выделен в качестве родственного по результатам интернет-опроса информантов, в котором 69,3% из 65 опрошенных респондентов указали на возможность получения положительных ощущений от переживаемой эмоции ненависти. В случае зависти концепт «желание» не только составляет ее минимальное концептуальное содержание, но и подменяет концепт «зависть» в тех случаях, когда коммуникант не может или не хочет сознаться в том, что он испытывает зависть. Что касается концепта «удовольствие», то именно в получении удовольствия от страданий другого и состоит сущность деструктивности: удовольствие зависти возникает при виде несчастий и страданий объекта зависти; сама же зависть не приносит положительных ощущений субъекту эмоции, а, наоборот, заставляет переживать комплекс негативных эмоций.

Прототипический когнитивный сценарий зависти представлен в реферируемой работе в двух вариантах: «пассивной» зависти, включающей в себя только мысли и образы, изображающие и планирующие акт(ы) агрессии, объектом которого является «другой», и «активной» зависти, частично включающей в себя когнитивный сценарий ненависти и, соответственно, совершение агрессивных актов в отношении «другого».

Ревность занимает особое место в концептуальном пространстве деструктивности, ибо, в отличие от других деструктивных эмоций, по определению рассматривает межличностные взаимоотношения как минимум трех человек. При анализе понятийного ядра эмоционального концепта «ревность» по толковым словарям можно проследить интересную тенденцию смещения базовых признаков концепта «ревность» в русском языко-

вом сознании: анализ словарных дефиниций («Словарь русского языка», «Толковый словарь живого великорусского языка», «Словарь современного русского литературного языка» и др.) показал, что изначально основное положительное значение ревности как усердия, рвения в работе, любви Бога сместилось на второстепенные позиции в сознании носителей русского языка и трактуется как устаревшее, в то время как значение ревности как мучительного сомнения в верности является на настоящем этапе основным и доминирующим. Данный вывод подтверждается результатами опроса, в котором приняли участие 100 информантов в возрасте от 17 до 75 лет, большинство из которых женского пола (72%). Одной из задач испытуемых было дать до пяти первых возникших реакций на слово-стимул *ревность*. Было установлено, что ревность ассоциируется, в первую очередь, с любовью и сопряженными с ней понятиями измены, предательства, недоверия (67%), а также с глупостью (5%), неуверенностью в себе (6%), слабостью (1,5%), собственничеством (21%). В «Русском ассоциативном словаре» зафиксированы следующие основные реакции на стимул «ревность»: любовь (18,6%), чувство (6,9%), злость (3,9%), глупость (2,9%), муж, страсть, плохо, супружеская, убийство – по 2% соответственно. Ассоциаций ревности с работой, делом, что указывало бы на значение ревности как старания, рвения, зафиксировано не было. Таким образом, изучение понятийной составляющей концепта «ревность» позволяет констатировать, что наиболее важным признаком в русском языке выступает признак «ревность-любовь», что подтверждается данными ассоциативного эксперимента, отражено как в современных словарных статьях о ревности, так и в художественных текстах.

Ценностный аспект ревности проистекает из амбивалентной природы этой эмоции. В русских паремиях ревности актуализируется признак супружеской верности и ревности. С одной стороны, в паремическом фонде фиксируется глубоко негативная оценка ревности: *Ревность, как ржа, губит сердце*; актуализируются признаки «недоверие, неуверенность в верности партнера»: *Не верь ветру в поле, а жене в воле*; беспричинный характер ревности: *Ревнует к каждому встречному и поперечному*. С другой стороны, встречаются немногочисленные паремии, оправдывающие ревность и оценивающие ее скорее положительно, нежели отрицательно: *Кто любит, тот ревнует. Без ревности нет любви. Ревнует – значит любит*.

В большинстве афористических высказываниях четко прослеживается отрицательная моральная оценка ревности – ревность оказывает пагубное воздействие на любовь: *Ревность наносит смертельный удар самой прочной и самой сильной любви* (Овидий); ревность связана с другими отрицательными эмоциями: *Мрачная ревность неверно поступью следует за руководящим ею подозрением; перед нею, с кинжалом в руке, идут ненависть и гнев, разливая свой яд. За ними следует рас-*

каание (Вольтер); ревность искажает восприятие действительности: *Ревнивцы вечно смотрят в подозрительную трубу, которая вещи малые превращает в большие, карликов – в гигантов, догадки – в истину* (Сервантес); нормальный разумный человек не должен испытывать ревность: *Ревность – всего только глупое дитя гордости или же болезнь безумца* (Бомарше); ревность – это свойство эгоистичной природы: *В ревности больше себялюбия, чем любви* (Ларошфуко); ревность опасна как для самого субъекта, так и для окружающих: *Бурная ревность совершает больше преступлений, чем корысть и честолюбие* (Вольтер). Несмотря на то, что в некоторых афоризмах высказывается положительная или амбивалентная оценка ревности, отрицательная оценка превалирует, что позволяет рассматривать ревность в целом как антиценность. Особо отметим тот факт, что ревность концептуально тесно связана с завистью и ненавистью. Классическим литературным примером того и другого является трагедия У. Шекспира «Отелло», когда убийство из ревности провоцируется завистью и ненавистью Яго к главному герою. В художественных текстах ревность, злоба, зависть и ненависть также часто упоминаются вместе, обозначая смежные явления эмоциональной жизни человека.

Среди концептуальных метафор ревности, составляющих образный компонент исследуемого концепта, были выделены следующие: РЕВНОСТЬ ЕСТЬ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА (*ревность зародилась, нища для ревности, пожираем ревностью*); РЕВНОСТЬ ЕСТЬ ПРОТИВНИК В БОРЬБЕ (*ревность охватила / душу*); РЕВНОСТЬ ЕСТЬ БОЛЕЗНЬ (*приступ ревности, ревность мучает, страдать от ревности*); РЕВНОСТЬ ЕСТЬ БЕЗУМИЕ (*обезуметь / сходить с ума / бесноваться от ревности*); РЕВНОСТЬ ЕСТЬ СТИХИЯ (*ревность захлестнула / обволакивала*); РЕВНОСТЬ ЕСТЬ НОША (*тяжесть ревности, тяжелая ревность, тяжелое бремя ревности*); РЕВНОСТЬ ЕСТЬ ЖАР И РЕВНОСТЬ ЕСТЬ (ГОРЯЧАЯ) СУБСТАНЦИЯ В КОНТЕЙНЕРЕ (*наполненный ревностью, ревность била через край, разжигать ревность, разгорался огонь ревности*).

Родственными концептами ревности, по нашему мнению, являются концепты «доверие» и «желание». Сомнения в верности и любви основываются, прежде всего, на доверии / недоверии партнеров друг другу, а «доверие», в свою очередь, представляет собой сложное когнитивное образование, коррелирующее с концептами «вера», «искренность» и входящее в когнитивное пространство достоверности (Н.Н. Панченко). Ревность предполагает обязательное наличие у ревнующего желания безраздельно властвовать над объектом своей ревности, поэтому мы также рассматриваем концепт «желание» в качестве родственного. Предвосхищая вопрос о включении концепта «любовь» в структуру концепта «ревность», отметим, что любовь к объекту ревности не всегда является обязательным условием протекания данной эмоции. Основу составляют желание безраздельно владеть объектом и недоверие к нему.

Подводя итоги рассмотрения концептуализации эмоций, входящих в ядро концептуального пространства деструктивности, отметим тот факт, что набор основных концептуальных метафор ненависти, зависти и ревности практически идентичен. Процентное соотношение примеров по шести основным концептуальным метафорам рассматриваемых эмоций представлено в таблице.

Эмоции	Соотношение примеров по метафорам, %					
	жар+ контейнер	противник в борьбе	живое существо	безумие	ноша/ бремя	болезнь
Ненависть	49,6	8	30,4	3,2	1	1,6
Зависть	37,6	9	12	2,4	1,6	26,8
Ревность	14,6	6,9	3,5	27	1,2	41

Как видно из таблицы, «внутри» исследуемых концептов наблюдаются существенные различия в количественном соотношении примеров, что может свидетельствовать о различной значимости того или иного образа эмоции в конкретной лингвокультуре. Однако, на наш взгляд, именно сходства в концептуализации данных эмоций представляют значительный интерес. Это позволяет сделать, по крайней мере, два вывода: во-первых, язык не в состоянии отразить все тонкости физиологических ощущений рассмотренных эмоций; во-вторых, все эмоции, входящие в ядро концептуального пространства деструктивности, имеют общую концептуальную основу. Они характеризуются, прежде всего, кластерностью, и их концептуализация материализует представления человека об агрессии как о некой спонтанной силе, плохо поддающейся сознательному контролю. Мы также полагаем, что данные представления не просто являются отраженными представлениями об эмоциях в языке, они с детства *внедряются* языком в обыденное сознание. Так, например, внедренная в наше сознание идея о невозможности сознательного контроля над эмоциями служит оправданием многим деструктивным действиям, включая действия, относящиеся к разряду преступлений. Охотно соглашаясь с тем, что выброс адреналина делает маловероятной возможность контроля, например, над яростью или ненавистью, мы все же осмелимся предположить, что многие деструктивные действия удалось бы предотвратить, если бы в основе концептуализации деструктивных эмоций лежало представление о них как о силе, управляемой волей человека.

Полученные результаты также показывают, что в языковой картине мира данных эмоций представлено в основном отражение невербальных процессов: физиологических процессов, сопровождающих переживание эмоции (повышение температуры, давления, нарушение точности восприятия и др.), и сопряженных с ними физических проявлений эмоции (нарастание физической активности, выражения лица, жестики и пр.). Таким об-

разом, вербальная концептуализация деструктивных эмоций представляет собой, в первую очередь, их знаковую соматическую фиксацию, которая связана как с лицом, так с другими частями тела человека. Кодирование экспрессии есть невербальная концептуализация переживаемых чувств и эмоций в рамках определенных правил, характерных для ситуации общения. Оно включает в себя усиление с помощью определенного кода выражения испытываемой эмоции, выражение эмоции в соответствии с нормами поведения в данном социуме (даже если при этом субъект не испытывает соответствующих эмоций), а также при необходимости маскировку одной эмоции другой с помощью экспрессивного кода (В.А. Лабунская). Как было установлено в предыдущей части работы, эмоции группы гнева являются базовой составляющей для всех рассматриваемых эмоций, что, однако, не означает, что их невербальная концептуализация сводима к невербальной концептуализации гнева. Анализ описаний эмоциональных кинем лица в художественных текстах показал, что отражение эмоций группы гнева, а также эмоции ненависти осуществляется стереотипизованно. Мимический стереотип гнева и ненависти в русской лингвокультуре представлен дескрипцией следующих признаков: покраснение (иногда резкое побледнение) лица, «горящие» глаза, нахмуренные брови, сжатые губы и зубы, расширенные ноздри, сморщивание кожи лица, контурирование передних краев жевательных мышц, набухание височных и лобных подкожных вен: *(крикнул / кричал), багровея; (говорил), скаля зубы; (крикнул), оскалившись / оцетинившись; шея и щеки побурели; лицо сморщилось / побледнело / побагровело / исказилось / прыгало и перекашивалось / сереет / передернулось, оскалилось в ярости; лицо кривилось от ненависти; лицо пылало / вспыхнуло ненавистью / яростью; искореженные злобой лица; ноздри побелели, стиснул / оскалил зубы; брови (были) нахмурены, желваки надулись / пухли и катались; жилы надулись, искаженное / ожесточенное / побледневшее / багровое / побагровевшее / обезображенное / свирепое лицо и т.д.* В понятие «искаженное лицо» входит изменение выражения лица, его черт, что может включать в себя как некоторые из вышеперечисленных мимических признаков, так и все сразу. В целом наиболее частотными признаками признаками покраснения лица и искажения черт лица в гнев / ярости / ненависти. Таким образом, в русском языковом сознании невербальная концептуализация данных эмоций является отражением их концептуализации как физиологического процесса, связанного с повышением температуры тела и кровяного давления, а также с «естественной» неконтролируемой мимикой.

Мимический стереотип зависти в русской лингвокультуре представлен эксплицитными (т.е. с указанием эмоции) описаниями кинем глаз, лица, губ: *лицо исказилось / искосило / перекосило завистью / от зависти; завистливое лицо / выражение лица; побледнел / покраснел от зависти; завистливый взгляд / взгляд, полный зависти; смотреть с (тай-*

ной, тоскливой, злобной, бессильной, ревнивой и др.) завистью; *завидующие глаза; завистливо прищурил / косил глаза; завистливо улыбнулся / ухмыльнулся / усмехнулся; с натянутой улыбкой зависти*. Читатель «доставляет» остальные компоненты и визуализирует лицо завистника, используя свой эмоциональный опыт и эмоциональный интеллект.

Изучение описания мимического выражения ревности в художественных текстах показало, что мимический стереотип ревности представлен крайне скупо описаниями типа *ревнивый взгляд, посмотрел с ревностью / ревниво, ревность в глазах, глаза с выражением (адской) ревности, оскал ревности, ревнивая улыбка*. Разнообразие возможных аффективных реакций ревности не позволяет выделить какой-либо единый мимический стереотип данной эмоции. Ревность может выражаться через такие деструктивные эмоциональные состояния, как гнев, ярость, ненависть, презрение, но может переживаться и как тоска, печаль, отчаяние, приводящие к меланхолической депрессии. Невербальное выражение ревности в целом и мимическое выражение в частности в значительной степени зависит от индивидуальных психоэмоциональных особенностей личности.

Отдельный параграф работы посвящен анализу жестов как неотъемлемому компоненту деструктивного общения. В исследуемом типе общения жесты рассматриваются как важнейший элемент концептуализации деструктивных эмоций и деструктивного поведения в целом. В работе за основу берется понимание жеста как отдельного телодвижения, имеющего определенное социально-культурное значение в определенной системе кинетических средств, при этом из понятия жеста исключаются мимические и пантомимические кинетические акты. В рассматриваемом типе общения наряду с основными функциями, присущими жестам, они выполняют также особую функцию предвосхищения вербального выражения агрессивных эмоций и физической агрессии. Жесты деструктивного общения анализируются в рамках семантической типологии, выделяющей три класса жестов: жесты-эмблемы, жесты-иллюстраторы, жесты-регуляторы, внутри каждого из которых имеются свои подклассы. При анализе класса иллюстративных жестов используется подход, позволяющий разграничивать не столько типы жестов (дейктические, иконические, ритмические и метафорические), сколько их *аспекты* или *характеристики*, т.е. *иконичность, дейктичность, ритмичность и метафоричность*, ибо рассматриваемые семиотические характеристики не являются категориальными и иконичность, ритмичность и т.д. зачастую характеризуют один и тот же жест (D. McNeill). Особый акцент ставится на исследовании метафоричности жестов деструктивного общения: в качестве примера анализируется жест «сжимать кулаки», который является не просто симптомом нарастающей агрессии: он как бы отсылает нас к концептуальной метафоре контейнера, согласно которой агрессивные эмоции накапливаются подобно горячей жидкости в контейнере (по аналогии с давлением воды,

зажатой в плотине) и могут вырываться наружу при отсутствии слерживающих факторов. Безошибочно отнести рассматриваемый жест к жестам деструктивной коммуникации нам помогают другие невербальные (описания физиологических и мимических проявлений деструктивных эмоций) и вербальные (например, вербальное выражение угрозы) ключи. Собеседник, замечая данный жест, немедленно осознает, что контейнер переполнен и человек может «взорваться», если его не успокоить. Таким образом, жест «сжимать кулаки», кроме иконичности, характеризуется метафоричностью, т.к. «картинка», создаваемая с помощью данного жеста, будучи доступной для понимания, играет решающую роль в процессе концептуализации эмоций гнева / ярости / ненависти. В процессе исследования было установлено, что жесты, подобно другим знаковым к единицам, могут переходить из класса в класс, приобретать или терять определенные характеристики (иконичность, метафоричность и др.); между различными классами жестов в деструктивном общении также не всегда можно провести четкую границу (например, жест «сжимать кулаки» может рассматриваться и как симптоматический жест, и как жест-иллюстратор), что, на наш взгляд, объясняется их эмоциональной природой. Возможно, важнейшим процессом, происходящим с жестами, является процесс символизации, который можно наблюдать на примерах некоторых из описанных нами жестов деструктивного общения («средний палец», сжимать кулаки, стукнуть по столу и др.).

Пантомимические компоненты являются неотъемлемой частью деструктивного общения и играют определенную роль в невербальной концептуализации деструктивных эмоций. Группа пантомимических невербальных компонентов деструктивного общения описывается в тексте с помощью, как правило, глагольных словосочетаний, содержащих указание на испытываемую эмоцию: *зло топнул, гневно обернулся, бешено вскочил / выскочил, отвернулся с гневом / с ненавистью / со злостью, вскочил в гнев, ткнул с яростью, трясло от ненависти / злости / гнева / ярости / бешенства / ревности, дрожал от гнева / ненависти / злости / зависти и т.д.* Таким образом, описания пантомимических компонентов деструктивного общения представляют собой в основном эксплицитные описания без отражения внешних признаков действия. ИмPLICITные описания содержат в себе описания отдельных элементов, которые «отвечают» за всю позу (*топнул ногой, затопал ногами, размахивал руками, грудью пошел на... и т.п.*). Именно эти элементы выражают определенные эмоции и человеческие взаимоотношения, и именно они реконструируют в сознании читателя (в соответствии с его эмоциональным опытом и интеллектом) всю позу целиком, из чего следует, что из них складываются стереотипные представления о телесном выражении эмоций вообще и деструктивных эмоций в частности.

Описания положений тела зачастую содержат в себе описания пространственных компонентов общения, которые играют важную роль в концептуализации деструктивных эмоций. Практический материал исследования показывает, что в описании пространственных компонентов деструктивного общения преобладающими являются глагольные словосочетания (*наброситься / (на)кинуться / налететь на кого-либо, напустить / надвигаться на кого-либо / пойти на кого-либо, отшатнуться, отпрянуть, отвернуться, отодвинуться*), указывающие на сокращение или увеличение коммуникативной дистанции. Как сокращение, так и увеличение коммуникативной дистанции практически всегда сопровождаются описанием других невербальных компонентов, в первую очередь мимических, окулесических, жестовых и пантомимических. Представления о пространственном поведении человека, испытывающего враждебные эмоции, являются частью концептуальной картины данных эмоций и основываются на концептуализации эмоций как физиологических процессов. Информация о пространственном поведении персонажей в художественном тексте предоставляется в основном имплицитно, за исключением тех случаев, когда за счет эксплицитного описания проксеми реализуются конкретные художественные задачи.

Анализ и систематизация практического материала позволили выделить следующий просодический стереотип для эмоций кластера гнева, отраженный в художественном тексте: высокий тон, значительная сила звучания (громкость), быстрый темп. Если говорящий пытается подавить свои эмоции, то возможно наличие длинных пауз. В процессе анализа не удалось выделить просодический стереотип эмоций зависти и ревности.

Отдельный параграф реферируемой работы посвящен смеху как важному компоненту невербальной концептуализации деструктивных эмоций. На протяжении всей истории человечества смех традиционно считается надежным, исключительно человеческим способом сублимации агрессивных тенденций; ряд психологов и медиков поддерживают точку зрения о том, что смех позволяет человеку справиться с самыми сложными межличностными проблемами. Однако уже в словарных дефинициях смеха заложена возможность его двоякого использования: *Короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства* («Словарь русского языка»). На настоящий момент насчитывается более двухсот разнообразных теорий смеха: проблематика смеха рассматривалась в трудах Г.В. Спенсера, З. Фрейда, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, Т.В. Ивановой, В. Раскина, Л.В. Карасева, А.Д. Кошелева, А.Г. Козинцева, А. Бергсона и многих других ученых, работавших в различных отраслях знания. При этом всегда выделялась группа теорий, в которых смех возводился к агрессии (Платон, Аристотель, А. Шопенгауэр, Т. Гоббс и др.). На настоящем этапе доказано, что смех относится к произвольным подкорко-

вым реакциям и происходит от игровой, дружелобной агрессии приматов (А.Г. Козинцев), но в обыденном сознании смех и агрессивное поведение (как невербальное, так и вербальное) тесно взаимосвязаны, что и показывается в реферируемой работе.

Несмотря на весьма оптимистичные взгляды на природу и функции смеха, даже небольшая выборка из паремических словарей демонстрирует неоднозначное, а зачастую и откровенно отрицательное отношение к данному явлению: *Смех до плача доводит; Из дурака смех слезами вытирает*. В ряде паремий слово «смех» рифмуется со словом «грех»: *Мал смех, да велик грех; И смех наводит на грех; Где смех, там и грех*. В православной культуре смех до сих пор табуирован, «смеяться ни с чего» рассматривается как грех, и в отношении к смеху современное православие практически не изменило свое мнение с IV–V вв. н.э., когда Иоанн Златоуст однозначно выразил отношение к смеху как к греховному делу. Обыденное сознание, отражением которого в полном объеме является язык, так же, как и сознание православное, прочно связывает смех с насилием, злом и прочими проявлениями человеческой деструктивности. Словосочетания «злой / злобный смех», «жестокий смех», «недобрый смех», «нехороший смех», «завистливый смех», «ревнивый смех» (несмотря на замечание А.Г. Козинцева о неправомерности словосочетания «жестокий смех»), используемые, например, в художественной литературе, не вызывают непонимания или неверной интерпретации со стороны читателя.

В лексических единицах с семей «смех» – *насмехаться / усмехаться / посмеяться / осмеять / высмеять* – содержится компонент негативной оценки («обидный», «отрицательный», «злой», «пренебрежительный»), что является еще одним подтверждением тому, насколько идея природной связи смеха и агрессии укоренена в обыденном сознании. Несомненно, что способом распознавания злости, жестокости – «нехорошести» смеха – в каждом конкретном случае служит не только контекст ситуации, но и знания читателя о мимических стереотипах эмоций, о которых речь шла выше.

Проанализированные описания «смеха победителей» показывают, что смех обладает также катарсическим эффектом в ситуациях агрессии, когда напряжение сменяется внезапным расслаблением и человека охватывает ощущение эйфории. В подобных ситуациях смех является знаком того, что агрессия прекращена и продолжения, скорее всего, не будет.

Таким образом, в процессе межличностной коммуникации смех выступает как средство выражения эмоций, в том числе и негативных, поэтому такой смех коммуникативен и выполняет также эмотивную и оценочную функции. Деструктивность не является имманентным свойством смеха как биокультурного явления, однако в процессе коммуникации смех может выступать и зачастую выступает как инструмент агрессии. И хотя, согласно последним данным, качественно различных типов смеха не существует (А.Г. Козинцев), обыденное сознание четко разводит «хороший»

и «плохой», «добрый» и «злой» смех, давая, таким образом, основание говорить о концептуальной (небиологической) взаимосвязи двух феноменов – деструктивности и смеха.

В третьей главе «Коммуникативная личность в деструктивном общении» выделяются и описываются коммуникативные стратегии и тактики деструктивного общения, анализируются тактики, специфичные для данного типа общения, рассматриваются коммуникативные типы, практикующие различные виды деструктивного общения, а также проводится анализ деструктивного общения с позиций адресата и адресанта в аспекте эмотивной лингвоэкологии.

Центральным элементом деструктивного общения выступает коммуникативная личность, которая рассматривается в работе с учетом трех планов или аспектов – ценностного, познавательного и поведенческого. Деструктивная коммуникативная личность понимается в работе как коммуникативная личность, практикующая тип общения, направленный на реализацию коммуникативной цели психологически травмировать собеседника. При анализе ценностного аспекта деструктивной коммуникативной личности необходимо учитывать его двойственную природу. С одной стороны, можно говорить о внешнем ценностном плане, который содержит этические и утилитарные нормы поведения, а также оценку социумом коммуникативного поведения деструктивной коммуникативной личности. Здесь можно вести речь о системе отрицательных оценок и отношений к субъекту агрессивной / деструктивной деятельности. С другой стороны, существует внутренний ценностный или, скорее, мотивационно-ценностный план самой деструктивной коммуникативной личности, который «запускает» и определяет ситуацию деструктивного общения и проявляется в оценочных значениях используемых семиотических знаков, реализуемых в ситуации общения прескрипциях и установках и т.д. Мотивы и ценности деструктивной коммуникативной личности не всегда лежат на поверхности: в случае, когда человек осознанно и целенаправленно «уничтожает» противника, используя приемы вербальной агрессии, различные невербальные коммуникативные приемы, открыто заявляя свое превосходство, определить спектр отрицательных ценностей деструктивной коммуникативной личности не представляет труда. Однако для многих людей признание отрицательных ценностей невозможно по определению: издревле существует тенденция оправдывать деструктивные действия благими намерениями – сама личность не осознает (либо не признает) своей деструктивности, полагая, что действует во благо своей «жертве», социальной группе, обществу в целом. В таком случае не всегда можно опираться исключительно на лингвистические данные при анализе ценностной составляющей коммуникативной личности. Для рассмотрения ценностного аспекта деструктивной коммуникативной личности необходимо мнение «третьего» – стороннего наблюдателя, в роли которого может

выступать психолог / психотерапевт / здравомыслящий собеседник (в реальной коммуникации) либо автор художественного произведения (в художественной коммуникации), выразителем мнения которого может выступать один из персонажей.

Наиболее ярко отрицательные ценности деструктивной коммуникативной личности проявляются в ситуациях открытого деструктивного общения:

Поравнявшись с дверью, они услышали ее визгливый голос:

– Мне нужен кусок мяса поприличнее, ну-ка, посмотрим, что вы там припрятали для себя? <...>

– От этой баранины меня тошнит! – кричала она. – Почему эти мозги?

Мясник сухо ответил.

– Ладно, взвесьте мне фунт печени! – велела женщина. – И пальцы свои держите от нее подальше. Мясник, не спеша, принялся взвешивать.

– Пошевеливайтесь! – набросилась она (Р. Брэдбери. Прикосновение пламени).

В данном примере установка на деструктивность реализуется посредством двух семиотических кодов – вербального (отношение к мяснику как к недочеловеку отражено в выборе слов и структур) и невербального (описание фонационно-просодических компонентов в речи женщины).

В когнитивную компетенцию субъекта деструктивного общения входят знания о том, с каким собеседником и в каких обстоятельствах можно использовать конкретные тактики деструктивного общения – кому можно угрожать, кого можно безнаказанно оскорбить, какие слова или действия принесут желаемый эффект, какие эмоции можно / нельзя демонстрировать, на каком этапе нужно остановиться и т.п. Сюда также включены когнитивные схемы (фреймы, матрицы, скрипты), соотносящиеся с существующими стереотипами поведения в ситуациях деструктивного общения в определенном социуме, а также представления об эмоциональных состояниях, вызывающих и сопровождающих деструктивное общение (т.е. эмоциональные концепты деструктивного общения), а также знания о невербальной концептуализации соответствующих эмоциональных состояний.

Ценностный и когнитивный аспекты коммуникативной личности тесно взаимосвязаны с поведенческим аспектом, который «характеризуется специфическим набором намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения» (В.И. Карасик). Поведенческий аспект отражает конкретное проявление коммуникативной личности в ситуациях деструктивного общения различных типов, включая цели, стратегии и тактики реализации деструктивных намерений.

Разработка трехкомпонентной модели коммуникативной личности в лингвоперсонологии В.И. Карасика привела к созданию теории лингво-

культурных типажей, активно развиваемой в настоящее время. Типаж трактуется как разновидность концепта – «это концепт, содержанием которого является типизируемая личность» (В.И. Карасик). Однако для настоящего исследования наиболее важна типизация личностей на основе не столько их социальных ролей, сколько особенностей их коммуникативного поведения, т.е. в работе речь идет о коммуникативных типажах. Сразу необходимо оговориться, что, несмотря на то, что и лингвокультурный и коммуникативный типажи имеют в своей основе концепт как ментальную единицу, они не могут рассматриваться как идентичные понятия: моделирование лингвокультурных типажей представляет собой акцент на историческом и культурном бытовании языковой личности, при анализе коммуникативного типажа акцент, прежде всего, ставится на описании типовых особенностей коммуникативного поведения вне зависимости от социальных и этнических характеристик языковой личности. Анализ коммуникативных типажей в работе проводится по методике, предложенной Н.Н. Панченко, а именно моделирование коммуникативного типажа должно включать: уточнение и анализ понятийного содержания соответствующего концепта в системе близкородственных понятий; выявление образных и ценностных характеристик; анализ высказываний, описывающих рассматриваемый коммуникативный типаж; анализ дискурсивных особенностей рассматриваемого типажа (Н.Н. Панченко).

Исходя из определения деструктивного общения, а также классификации ситуаций деструктивного общения, были выделены некоторые типизируемые деструктивные коммуникативные личности межличностного общения, коммуникативное поведение которых мотивировано определенными доминирующими эмоциями и протекает в конкретной форме (открыто или скрыто для партнера). Деструктивная коммуникативная личность, практикующая в основном открытое деструктивное поведение и мотивируемая разнообразными эмоциями, рассмотрена в реферируемой работе на примере коммуникативного типажа «хам»; личность, практикующая преимущественно скрытое деструктивное поведение и мотивируемая эмоцией зависти, – на примере коммуникативного типажа «завистник»; и наконец, личность, практикующая все виды деструктивного поведения и мотивируемая эмоцией ревности, – на примере коммуникативного типажа «ревнивец» и его разновидности «злая свекровь».

Описание и анализ коммуникативного поведения личности подразумевают обращение к вопросу планирования и прогнозирования результатов общения, что, в свою очередь, требует рассмотрения стратегий и тактик коммуникантов. Анализ практического материала показал, что генеральная когнитивная стратегия деструктивного общения есть стратегия на психоэмоциональное «уничтожение» противника, стратегия собственного возвышения за счет унижения партнера по общению, и все коммуникативные действия в ситуациях деструктивного общения направле-

ны на ее реализацию. По результатам анализа коммуникативных стратегий в отечественных и зарубежных исследованиях, а также с учетом имеющегося практического материала применительно к деструктивному общению была выделена основная коммуникативная стратегия, называемая в работе конфронтационной, а также соответствующие вспомогательные стратегии – инвективная и манипулятивная, каждая из которых имеет набор тактик (прямые инвективные тактики оскорбления, угрозы, злопожелания, отсылка и др.; косвенные инвективные тактики намека, иронии, провокации и др., манипулятивные тактики упрека, эмоционального давления, отказа от общения и др.). В своем абсолютном большинстве эти тактики могут быть использованы как в деструктивном, так и в других типах общения. На основании имеющегося материала была сделана попытка вычленил тактики, характерные исключительно для деструктивного общения. Мы полагаем, что к таковым можно отнести комбинированную (вербально-авербальную) тактику издевательства или коммуникативного садизма, а также комбинированную тактику хамства.

Понятие коммуникативного садизма было впервые введено в лингвистический обиход К.Ф. Седовым для обозначения «словесного издевательства», осуществляемого конфликтным типом личности. Э. Фромм в своих работах наряду с физическим садизмом выделил психический садизм, проявляющийся в душевной жестокости, унижении, обидах и оскорблениях, выраженных в словесной форме. Ученый необычайно точно подметил два основных критерия отнесения коммуникативного акта к коммуникативному садизму – интенцию и прагматику. Таким образом, при определении, является ли конкретная ситуация общения случаем коммуникативного садизма, мы можем руководствоваться только двумя надежными критериями: деструктивной интенцией и эмоциональным состоянием субъекта коммуникации, т.е. именно «коммуникативного садиста». Эмоциональные переживания объекта деструктивного воздействия, несомненно, также важны, но они не являются определяющим фактором, т.к. если страдания жертвы вызывают сострадание и раскаяние у обидчика, то такой коммуникативный акт не может быть отнесен к актам коммуникативного садизма. Практическое исследование коммуникативного садизма сталкивается с трудностями при отборе материала, а именно с трудностями определения наличия вышеуказанных критериев. Зачастую даже сам субъект деструктивного общения не может себе признаться в том, что он сознательно и планомерно причиняет страдания собеседнику, не говоря уже о признании, что эти страдания доставляют ему удовольствие. Поэтому о наличии / отсутствии деструктивной интенции можно судить, исходя из положения о том, что интенция находит свое выражение в действии. Интенция – это не некое самостоятельное внутреннее событие, предшествующее действию. Мы придерживаемся позиции Ч. Тейлора, утверждавшего, что, когда действие является успешным, добровольным и выполненным

не по принуждению, намерение непосредственно выражается в этом действии, оно воплощается в нем (Ch. Taylor). Намерение оскорбить собеседника находит свое материальное выражение в речевом акте оскорбления, намерение поиздеваться – в речевых актах оскорбления, унижения, издевки и т.п., т.е. «намерение выражает себя во внешнем мире, когда находит свою цель» (J.V. Lamarche).

Сам термин «садизм» относительно молод. Однако в языке всегда существовали номинации данного или подобного явления, закрепившие в своей семантике соответствующие поведенческие установки и стереотипы. Человека крайне жестокого, любящего мучить других, называли извергом, изувером, зверем, зверюгой, живодером. Согласно проанализированному словарным дефинициям, базовыми признаками рассматриваемых явлений выступают жестокость и потребность мучить другого. В свою очередь, лексема «мучить» толкуется как *причинять муки, физические или нравственные страдания* («Большой толковый словарь русского языка») в широком смысле слова без упоминания о положительной эмоциональной реакции мучителя на страдания жертвы. В семантике глагола «мучить» отсутствует компонент «получение удовольствия», обязательный для отнесения того или иного жестокого действия к садистскому типу. В ряде случаев этот недостающий компонент может быть выведен из вертикального контекста.

Особенности коммуникативного поведения коммуникативного садиста рассмотрены в работе на примере рассказа Ф.С. Фицджеральда «Изверг» (“The Fiend”). В рассказе описаны такие вербальные приемы нефизического садизма, как запугивание, угрозы физической расправы, оскорбление, словесные издевательства, невербальные коммуникативные приемы (значимое молчание, различные невербальные действия). Однако в рассказе вербальные приемы занимают наиболее значительное место, т.к., на наш взгляд, именно они обладают особым катарсическим эффектом для главного героя, помогая ему снять эмоциональное напряжение.

Анализ приемов коммуникативного садизма в реальной коммуникации (включая интернет-форумы) также показал, что словесные издевательства, оскорбления и угрозы являются наиболее популярными приемами коммуникативного садиста – они присутствуют в 96% описания ситуаций (контекстах рефлексии), квалифицируемых нами как коммуникативный садизм. Использование вербальных приемов во многих случаях сопровождается использованием невербальных приемов: *В последнее время я все больше и больше убеждаюсь в том, что он действительно – систематически издевается надо мной <...> и получает от этого удовольствие: готовлю не так (или ПАРАШУ), убираюсь не так, деньги трачу не так, детей воспитываю не так..... Каждый день орет по поводу и без (бывает, рвет мою одежду)* (пунктуация автора) (URL:<http://rebenok.by/community/index.php?topic=150242.0> (дата обращения: 13.10.12)).

Таким образом, было установлено, что коммуникативный садизм является сложной комбинированной тактикой деструктивного общения, включающей в себя приемы / тактики открытой (оскорбления, издевки, угрозы (в том числе физической) расправы) и скрытой (систематическое уничижительное давление без открытого проявления враждебных эмоций) вербальной агрессии, открытой и скрытой невербальной агрессии (молчание, отказ разговаривать, мимические и кинетические жесты, различные невербальные действия, за исключением физической атаки). Положительная эмоциональная реакция коммуникативного садиста оценивается, исходя из невербальных проявлений испытываемых эмоций удовольствия и удовлетворения. Уверенность коммуникативного садиста в собственной правоте, «эмоциональная глухота», отсутствие сострадания разрушают личность коммуникативного партнера, на которого нацелены деструктивные действия.

Хамство можно рассматривать как не только явление, широко распространенное в современном российском обществе, но и эффективную тактику, специфичную для деструктивного типа общения, когда главной коммуникативной целью выступают оскорбление и унижение адресата. В анализе хамства как коммуникативной тактики мы исходили из того, что ее основными элементами являются коммуникативные приемы прямой и косвенной вербальной агрессии, нацеленные на оскорбление и унижение личности партнера. Индивид, использующий тактику хамства в общении, оценивает свой статус как априори более высокий по отношению к коммуникативному партнеру, демонстрируя превосходство и осознавая при этом свою полную безнаказанность: *Зашла в так называемый киоск с ребенком, купила какую-то мелочь, оплачиваю и даю 2 монеты по 5 копеек. Нормальные деньги. Продавец дает мне уже товар. Я его беру. Она: «Мы не принимаем 5-копеечные. Давайте 10 копеек». (У меня нет, наскребла мелочь.) Я: «Нормальные деньги, их принимает любой банк, что ...» Она перебивает: «Я по банкам не хожу! Отдай товар и иди отсюда!» Я: «Это не мои проблемы, что вы грубите из-за 10 копеек, есть права потребителя...» Она: «Зайди только еще раз сюда!» Я: «Я имею право расплачиваться теми деньгами, которыми располагаю». Она мне в спину: «Пошла на...» (орфография и пунктуация автора) (URL:<http://www.u-mama.ru/forum/gossip/everything/27623/index.html> (дата обращения: 17.10.2013)).*

Данный пример представляет собой ситуацию институционального хамства в диаде «работник сферы обслуживания – клиент». Конфликт стимулируется вербальным (отказ дать монету желаемого номинала) фактором. Разумное возражение покупателя оказывается бессмысленным и наталкивается на фразы *Я по банкам не хожу! Отдай товар и иди отсюда!* Несмотря на внешнюю диалогическую форму, коммуникация как таковая отсутствует, т.к. хамящий субъект слышит только себя самого. Если

оппонент пытается остановить хамство (*Это не мои проблемы, что вы грубите из-за 10 копеек, есть права потребителя...*), то оно перерастает в прямые оскорбления и угрозы, причем присутствие маленького ребенка не сдерживает словесной агрессии хама.

Отметим, что кроме хамства в диадах «работник сферы обслуживания – клиент», «чиновник – посетитель» институциональное хамство реализуется в диаде «начальник – подчиненный». Кроме этого, можно говорить о бытовом и семейном видах хамства, каждый из которых несколько отличается в сценариях соответствующей коммуникативной ситуации. Анализ коммуникативных ситуаций, в которых реализовано хамское коммуникативное поведение, позволил выделить следующие основные модели коммуникативных приемов и ответных реакций адресата: 1) грубое высказывание – рациональный довод – прямое оскорбление; 2) грубое высказывание – попытка оправдания – прямое оскорбление; 3) вежливая просьба – грубое / оскорбительное высказывание; 4) грубое высказывание – возмущение – оскорбительное высказывание; 5) грубое / оскорбительное высказывание – ответное грубое / оскорбительное высказывание. Отдельную группу примеров хамского коммуникативного поведения составляют примеры хамства на дорогах, где используются в основном невербальные приемы: различные приемы неаккуратного вождения, создающие нервную и аварийно опасную обстановку на дорогах, а также жестовые приемы.

Необходимо отметить, что приведенный анализ хамства как коммуникативной тактики неполон, т.к., во-первых, понимание хамства в работе было ограничено критериями вызывающей грубости, оскорбительности и безнаказанности. Таким образом, не рассматривался целый ряд амбивалентных ситуаций, определяемых в имеющихся источниках как хамство, но не отвечающих какому-либо из принятых нами критериев. Во-вторых, у разных людей различный порог восприятия хамства. То, что один человек воспринимает как хамство, для другого – норма общения. Следовательно, для оценки коммуникативного поведения как хамского требуется мнение не только реципиента, но и третьего лица (в нашем случае – исследователя).

Таким образом, хамство представляет собой сложную комбинированную коммуникативную тактику, в которой задействованы приемы прямой и косвенной вербальной и невербальной агрессии (оскорбление, угроза, возмущение, злопожелание, игнорирование и др.). Хамство – тактика нападения или защиты, монологичная по своей сути, т.к. мнение оппонента никогда не принимается во внимание.

Использование различных тактик деструктивного общения было также рассмотрено на примерах коммуникативного поведения типичных представителей деструктивных коммуникативных личностей.

Толкование лексемы «хам» претерпело существенные изменения со времени издания словаря В.И. Даля, в котором «хам» определяется как *бранное прозвище лакеев, холопов или слуг; крепостной* («Толковый

словарь живого великорусского языка»): *Ну, холоп – стало быть, хам; в бархатах, значит, не хаживал, на золоте не едал, медовой сытой не запивал, ходил больше в нанке да в пеструшке, хлебал щи, а пил воду* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Развеселое житье / Невинные рассказы (1857–1863)). Однако после 1930–1940-х гг. явное противопоставление «хама» и «благородного» в текстовых примерах становится менее заметным, значение слова «хам» становится близким к «нахал», «наглец», «необразованный человек», «грубый человек», т.е. приобретает свое современное значение: *Я впился в ее рот; она тихо ахнула, больно укусила меня за нижнюю губу и прошептала (я никогда не забуду этого свистящего от злости шепота): – Вы хам, нахал. Если эта гадость еще повторится – я буду стрелять* (Н. Н. Туроверов. Первая любовь (1937)).

В современных толковых словарях «хам» определяется как грубый, наглый, невоспитанный человек, способный на подлости, а значение «презрительное название человека, принадлежавшего к низшим классам и потому лишенного человеческого достоинства» уже относится к устаревшим. Проведенный опрос информантов (100 человек от 18 до 75 лет, соотношение мужчин и женщин – 24:76), которым было предложено сформулировать свое определение хама, показал, что абсолютное большинство респондентов выделяют в качестве основных черт хама «грубость», «невежливость», «невоспитанность», «наглость», «неуважение», «некорректность», «необразованность» (89% ответов), а также «агрессивность», «неадекватность» (11%). Многие давали несколько определений. В целом определения, данные понятию «хам», были в среднем в 1,5–2 раза длиннее, чем определения, данные другим понятиям в этом же опроснике. 19% опрошенных отметили отрицательное отношение социума к хамам – «кидают вызов обществу», «вызывают к себе отрицательное отношение» и т.п.; 15% респондентов отметили такую важную характеристику хама, как отсутствие чувства вины, т.е. получение удовлетворения от своих действий («стремится оскорбить собеседника и получить от этого внутреннее удовлетворение», «никогда не чувствует вины за сказанное или сделанное», «самоутверждается таким образом» и т.п.). Таким образом, результаты опроса показали, что информанты испытывали некоторые трудности при определении понятия «хам», о чем свидетельствует средняя длина ответа, но основные понятийные признаки хама совпадают с теми, что приводятся в толковых словарях (наглость, грубость, невоспитанность). Необходимо отметить тот факт, что ни в одном из ответов социальное происхождение хама не упоминается. Анализ лексикографических источников, а также имеющихся примеров позволил уточнить конститутивные понятийные признаки исследуемого типажа: 1) референция к вызывающе оскорбительному поведению; 2) интенция обидеть, незаслуженно оскорбить; 3) осознание безнаказанности совершенных оскорбительных действий; 4) получение патологического удовольствия от унижения и растерянности собеседника.

Коммуникативная стратегия хама – это стратегия унижения с целью достижения эмоциональной разрядки и получения психологического удовольствия от наблюдаемых негативных эмоционально-поведенческих реакций собеседника. Основной тактикой коммуникативного поведения хама является тактика хамства, т.е. нападение (вербальное или невербальное оскорбительное действие) с целью обескуражить собеседника или скрыть собственный неблагоприятный поступок.

В реферируемой работе «хам» рассматривается как постоянная характеристика определенного типа деструктивной коммуникативной личности. Это индивид, отличающийся установкой на открытое оскорбительное поведение, а также осознанием безнаказанности своих действий. Коммуникативное поведение хама характеризуется вызывающе негативным отношением к оппоненту и/или предмету обсуждения, оскорбительностью высказываемых мнений и оценок, крайней эмоциональной несдержанностью и высококонфликтной тональностью общения. Аксиологическая характеристика хама представлена исключительно негативным восприятием его как деструктивного, конфликтного типа личности, причиняющего вред партнеру по общению и получающего от этого определенное моральное удовлетворение. В работе также представлен прототипический сценарий коммуникативного поведения хама, а также возможные отклонения от него.

Для формулировки понятийного ядра концепта «завистник» был проведен опрос информантов (100 человек от 18 до 75 лет, соотношение мужчин и женщин – 24:76), которым было предложено сформулировать свое определение завистника, а также дать пять первых ассоциаций на это слово. Результаты показали, что большинство респондентов выделяют в качестве основной черты завистника желание иметь то, что есть у других (45%), в связи с чем завистник испытывает негативные эмоции (28%). Завистник чувствует себя несправедливо обделенным (5%), винит в своих неудачах других (5%), осуждает других (5%), у него заниженная самооценка (5%); завистник постоянно сравнивает себя с другими (15%), радуется их неудачам (10%), а также желает причинить вред объекту своей зависти (15%). Необходимо отметить, что практически во всех ответах речь шла о косвенных агрессивных действиях (*завистник дает ложные советы, пытается потихоньку подгадить, втихаря накопостить, старается так или иначе «зацепить» другого, старается испортить впечатление о нем (объекте зависти) окружающих, говорит гадости окружающим*). Завистник ассоциируется, в первую очередь, с неудачником (27%), а также с ущербным, нищим духом, слабым, мелким человеком (21%), глупцом (14%). 4% респондентов упомянули о том, что завистник – это больной человек (просто больной или больной на голову), а 16% указали на связь с ненавистью, злобой и страхом. У 12% информантов завистник вызывает резко негативные эмоции (*противно, мерзко, отвратительно, страшный человек*). Было также отмечено, что завистник – это жад-

ный человек, жадина (7%). 2% информантов указали на связь с косвенными проявлениями агрессии – сплетнями (*сплетник*).

Было установлено, что коммуникативный типаж «завистник» является носителем отрицательных ценностей: жадности, (неконтролируемой) злобы и ненависти, у него нет ни стыда, ни совести, его поведение осуждается социумом. Он готов на все, вплоть до физической расправы, лишь бы заставить страдать объект своей зависти, но при этом, в первую очередь, страдает сам. В результате обобщения контекстуальных употреблений имени рассматриваемого концепта выявлены следующие характеристики коммуникативного поведения завистника: 1) интенциональность; реальные достоинства / недостатки объекта зависти не играют существенной роли в действиях завистника; зависть, мотивационная основа поведения завистника, базируется на глубоком внутреннем убеждении, что объект зависти не заслуживает успеха, признания, награды и т.п., т.к. не обладает для этого необходимыми талантами; 2) агрессивность / деструктивность; убеждение в том, что объект зависти недостойн занимаемого им высокого положения, уважения, любви и т.п., создает психологическую основу для совершения завистником агрессивных действий; 3) направленность на адресата / адресатов; в то время как ненависть и злоба могут не иметь конкретного адресата, т.е. могут распространяться на целые социальные и этнические группы (ненависть к евреям, цыганам, всему миру; женоненавистничество), зависть имеет конкретного адресата(ов) и может экстраполироваться на всех людей, обладающих тем, что жаждет получить завистник. Все вышеперечисленные характеристики коммуникативного поведения завистника были проанализированы на примере романа Ю.К. Олеси «Зависть».

Завистник, таким образом, – это индивид, которого отличает деструктивная линия поведения: желание обладать тем, что есть у другого, сопровождается отрицательными эмоциональными вербальными и невербальными проявлениями досады, раздражения, злобы и, в конце концов, ненависти. Последние два относятся к активным деструктивным эмоциям и способны перевести пассивные эмоциональные состояния завистника в открытые деструктивные действия как вербального, так и невербального плана. Однако в большинстве проанализированных нами контекстов завистник прибегает к косвенным и скрытым формам деструктивного поведения, что позволяет на настоящем этапе исследования отнести его к коммуникативным типажам, практикующим преимущественно скрытое деструктивное поведение. Аксиологическая характеристика завистника представлена восприятием его как деструктивного типа личности, негативно воздействующего не только на межличностные отношения, но и на собственное Я.

Одним из типов деструктивной коммуникативной личности, практикующим как открытые, так и скрытые / косвенные формы деструктивного

поведения, является коммуникативный типаж «ревнивец». Стимул «ревнивец» был включен в проведенный опрос информантов (100 человек от 18 до 75 лет, соотношение мужчин и женщин – 24:76), от которых требовалось дать до 5 первых реакций на слова «ревнивец / ревнивица». Все без исключения респонденты выразили свою негативную оценку данному типуажу в той или иной форме (*дурак, нужно его / ее (немедленно) бросать, слабак, неуверенный в себе человек, (очень) плохо, глупость, безнадёжен, идиот, эгоист, сволочь, зверь, грубый, обиженный, злобный человек и т.п.*). 19% респондентов указали в ассоциациях любовь, для 32% ревнивец – это муж, 21% – собственник и эгоист (*человек, желающий / стремящийся обладать другим человеком; человек, жаждущий единоличного владения, не думающий о другом*). Для 17% ревнивец – это слабый «закомплексованный» человек (*слабак, неудачник, безвольный характер, неуверенный в себе человек, чувство неполноценности, комплексы*), для 5% – это больной человек (*Богом обиженный, больной на всю голову*). Высокий процент респондентов отметили в ревнивце недостаток ума (41%): *дура / дурак, глупость, глупый, глупец, идиот, придурок, ущербный*. 14% отметили в ревнивце такое качество, как недоверие, недостаток доверия, сомнения в партнере / любви, подозрение / подозрительность, мнительность. Только 5% респондентов указали на связь поведения ревнивца с агрессией (*злой, зверь; мужчина, замахивающийся топором; агрессивный мужчина*). И только один респондент ассоциирует ревнивца с проявлениями детской ревности (*к младшему брату*). Таким образом, согласно результатам опроса, ревнивец / ревнивица – это человек неумный, собственник / эгоист по натуре, сомневающийся в верности своего партнера, неуверенный в себе и, возможно, агрессивный.

Анализ практического материала показал высокую типичность поведения ревнивца. В самом общем виде коммуникативное поведение ревнивца можно разделить на активное и пассивное. Первый вид проявляется в агрессивных действиях преимущественно открытого типа. Активный ревнивец реализует в общении стратегию унижения партнера посредством использования различных тактик манипулирования (упрек, прерывание контакта (молчание), эмоциональное давление, демонстрация обиды) и тактик вербальной и невербальной агрессии (угроза, оскорбление, возмущение, издевательство, злопожелание и др.). Пассивные ревнивицы не борются за объект своего чувства, их мучают мысли о возможной измене партнера, при этом они не всегда испытывают деструктивные эмоции к соперникам. Но и с их стороны возможны неожиданные деструктивные действия, включая преступления. Коммуникативное поведение пассивного ревнивца проанализировано также на примере романа Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» и автобиографического романа современной французской писательницы К. Милле «Ревность» («День страданий»).

Ревнивец – индивид, неуверенный в себе и в своем партнере, сомневающийся в его верности и способный на агрессивные действия как косвенного, так и прямого характера. Аксиологическая характеристика ревнивца однозначно отрицательная. Коммуникативное поведение ревнивца направлено на унижение и зачастую на уничтожение партнера, его отличает использование тактик эмоционального давления, прямого оскорбления, а также коммуникативного садизма, включающего прямые и косвенные приемы деструктивного общения, что позволяет однозначно квалифицировать его как деструктивную коммуникативную личность.

Коммуникативный типаж «ревнивец» тесно связан с коммуникативными личностями, практикующими обманное поведение, а также с коммуникативными личностями, у которых ревность является мотивационной основой поведения. Одной из женских разновидностей типажа «ревнивец» является коммуникативный типаж «злая свекровь», также рассмотренный в реферируемой работе.

Коммуникативный типаж «злая свекровь» является одним из вариантов лингвокультурного концепта «свекровь». «Злая свекровь» – это женщина, мать мужа, мотивационной основой коммуникативного поведения которой выступает эмоционально-когнитивный комплекс ревности, трансформирующийся в эмоционально-когнитивный комплекс ненависти. В общении с невесткой «злая свекровь» использует практически все существующие тактики вербальной и невербальной агрессии: манипулятивные тактики упрека, возмущения, отказа от общения, прерывания, давления; тактики вербальной агрессии – тактики оскорбления, возмущения, намека, критики, издевки, провокации. Также «злой свекровью» используются тактики дистанцирования и игнорирования, не относящиеся по определению к деструктивным, но в общем контексте негативно-окрашенного эмоционального общения приобретающие деструктивный заряд. Таким образом, «злой свекровью» реализуется основная стратегия деструктивного общения – стратегия на унижение и моральное уничтожение невестки как «внутрисемейного врага», что позволяет квалифицировать общение «злая свекровь – сноха» как деструктивное и отнести типаж «злая свекровь» к деструктивному типу коммуникативной личности.

Исследования коммуникативных типажей дают возможность рассмотреть деструктивное общение с позиции говорящего. Однако позиция адресата также важна в исследуемом типе общения, т.к. реакция адресата входит в число его конститутивных признаков. В реферируемой работе деструктивное общение рассмотрено с позиций адресата и адресанта в аспекте новейшей отрасли лингвистики – эмотивной лингвоэкологии, привлекающей внимание всё большего числа исследователей¹. Основным постулатом данного направления является то, что функционирование эмо-

¹ См., напр.: Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. моногр. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

ций в языке и выражение эмоций через семиотику и семантику вербально-го и невербального языка составляют важнейший экологический, лингвистический и валеологический фактор, определяющий качество коммуникации и, следовательно, качество жизни. Экологичность общения заключается не только и не столько в умении правильно кодировать и декодировать сообщения, но и в умении поддержать позитивное эмоциональное состояние партнера по коммуникации, стремлении заботиться о его психоэмоциональном здоровье.

Исходя из вышесказанного, исследуемое деструктивное общение может быть априори отнесено к неэкологичной коммуникации, т.к. ему присущи нетолерантность, эмоциональная рассогласованность, неадекватная тональность общения, нарушение коммуникативных норм и т.д., т.е. практически все признаки неэкологичной коммуникации. В работе доказывается, что с позиции адресанта деструктивное общение может быть распценено как амбивалентно-экологичное, т.к., несмотря на общее негативное воздействие на личность субъекта общения, оно вызывает катарсис деструктивных эмоций, тем самым способствуя освобождению (реальному или воображаемому) от нервного напряжения, и вызывает у субъекта чувство удовлетворения. Но для адресата агрессия и деструктивность в коммуникации всегда неэкологичны – совершенно неважно, обругали тебя за дело или просто использовали как «козла отпущения». Существующее философское понимание деструктивности как диалектического единства ее негативной и позитивной форм, упомянутое в первой главе реферируемой работы, свидетельствует о возможности нахождения положительного даже в глубинах отрицательного и воплощается в виде идеи о двумодусной структуре коммуникативных ситуаций в работах по эмотивной лингвоэкологии В.И. Шаховского (2011–2013), А.А. Штеба (2013). К сожалению, далеко не каждый «пострадавший» от деструктивного общения настроен на поиск этого глубоко сокрытого положительного в себе и окружающих, и первой спонтанной реакцией на деструктивное коммуникативное поведение практически всегда являются возмущение, гнев, обида и другие отрицательные эмоции. В рамках эмотивной лингвоэкологии возможно не только исследовать степень неэкологичности тех или иных проявлений коммуникативного деструктивного поведения и их эмоциогенный эффект, но и ситуации перехода от неэкологичного к амбивалентно-экологичному общению, включая двумодусную структуру коммуникативных эмоциональных ситуаций деструктивного общения.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки его положений.

Перспективой проведенного исследования может стать изучение деструктивности в политическом, массмедийном, юридическом и других

дискурсах, а также дальнейшее изучение языковых средств скрытого деструктивного общения. Интересным и социально значимым является изучение коммуникативных типажей, репрезентирующих деструктивную коммуникативную личность в различных типах дискурса.

Отдельная перспектива работы связана с дальнейшим, более детальным изучением метафоричности эмоциональных жестов, которая до настоящего времени не подвергалась систематическому исследованию.

Несомненный интерес представляет изучение деструктивного общения в лингвокультурологическом и сравнительно-сопоставительном аспектах.

Логичным продолжением данного исследования может стать дальнейшая разработка проблемы эмотивной (не)экологичности деструктивного общения, включая выработку практических рекомендаций по противодействию деструктивным коммуникативным тактикам.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Волкова, Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте / Я.А. Волкова. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 324 с. (20,0 п.л.).

2. Волкова, Я.А. Коммуникативное поведение языковой личности в ситуациях открытого агрессивного общения / Я.А. Волкова // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: кол. монография / отв. ред. В.И. Шаховский, И.В. Крюкова, Е.А. Сорокина. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – 199 с. (авт. – 0,5 п.л.).

3. Волкова, Я.А. Лингвокультурный типаж «злая свекровь» / Я.А. Волкова // Лингвокультурные типажы: признаки, характеристики, ценности: кол. монография / под ред. О.А. Дмитриевой. – Волгоград: Парадигма, 2010. – С. 177–183 (авт. – 0,5 п.л.).

4. Волкова, Я.А. К вопросу о моделировании концептов эмоций / Я.А. Волкова // Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: кол. монография. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012. – 389 с. (авт. – 0,8 п.л.).

5. Волкова, Я.А. Деструктивность как характеристика неэкологичного межличностного общения / Я.А. Волкова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. монография / науч. ред. проф. В.И. Шаховский; отв. ред. проф. Н.Н. Панченко. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с. (авт. – 1 п.л.).

Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

6. Волкова, Я.А. Типология ситуаций агрессивного общения в художественном тексте / Я.А. Волкова // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. «История. Филология». – 2009. – Вып. 2. Филология. – С. 73–77 (0,5 п.л.).

7. Волкова, Я.А. Агрессивный катарсис в концептуальном пространстве агрессии / Я.А. Волкова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». – 2009. – № 7(41). – С. 8–12 (0,5 п.л.).

8. Волкова, Я.А. Деструктивность смеха: когнитивно-дискурсивный аспект / Я.А. Волкова // Вопр. психолингвистики. – 2011. – № 2 (14). – С. 80–87 (0,6 п.л.).

9. Волкова, Я.А. Коммуникативный садизм как тактика неэкологичного общения / Я.А. Волкова // Вестн. Орл. гос. ун-та. Сер. «Новые гуманитарные исследования». – 2012. – № 9 (29). – С. 95–99 (0,6 п.л.).

10. Волкова, Я.А. Концептуализация ненависти в русском языковом сознании / Я.А. Волкова // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. – 2011. – № 4 (16). – С. 24–31 (0,75 п.л.).

11. Волкова, Я.А. Деструктивное общение: к определению понятия / Я.А. Волкова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 205–219 (0,5 п.л.).

12. Волкова, Я.А. Коммуникативный типаж «завистник» / Я.А. Волкова // Гуманитарные исследования / Астрах. гос. ун-т. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2013. – № 2 (46). – С. 15–20 (0,6 п.л.).

13. Волкова, Я.А. Коммуникативная личность в ценностных параметрах неэкологичного общения / Я.А. Волкова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». – 2012. – № 8 (72). – С. 4–8 (0,5 п.л.).

14. Волкова, Я.А. Проблема зависимости модуса экологичности от амбивалентности оценочного знака эмоциональной коммуникации / В.И. Шаховский, Я.А. Волкова, Н.И. Коробкина, А.А. Штеба // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. «Филология. Искусствоведение». Вып. 69. – 2012. – № 23 (277). – С. 128–137 (авт. – 0,4 п.л.).

15. Волкова, Я.А. Общероссийский научно-теоретический семинар «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» / В.И. Шаховский, Я.А. Волкова // Вопр. психолингвистики. – 2012. – № 16. – С. 208–214 (авт. – 0,5 п.л.).

16. Волкова, Я.А. Пространственное поведение коммуникантов в деструктивном общении / Я. А. Волкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8 (26). – Ч. 1. – С. 46–50 (0,45 п.л.).

17. Волкова, Я.А. Жестовые знаки в деструктивном общении [Электронный ресурс] / Я.А. Волкова // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журн. – 2013. – № 2 (31). – URL: <http://tverlingua.ru/> (0,6 п.л.).

18. Волкова, Я.А. Феномен хамства в деструктивном общении / Я.А. Волкова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 1. Филология. – 2013. – № 4. – С. 215–221 (0,46 п.л.).

19. Волкова, Я.А. Ревность в концептуальном пространстве деструктивности / Я.А. Волкова // Изв. Юж. фед. ун-та. Сер. «Филологические науки». – 2013. – № 4. – С. 52–57 (0,4 п.л.).

20. Волкова, Я.А. Невербальная концептуализация зависти в русской лингвокультуре / Я.А. Волкова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 2 (143). – С. 21–26 (0,6 п.л.).

*Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов
и материалов конференций*

21. Волкова, Я.А. Агрессивный дискурс: вербализация эмоций – стимулов агрессии в художественной коммуникации / Я.А. Волкова // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т и др. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 124–129 (0,4 п.л.).

22. Волкова, Я.А. «Агрессия завистника» и ее место в концептуальной картине феномена агрессии / Я.А. Волкова // Человек в коммуникации: лингвокультурология и прагматика: сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – С. 88–95 (0,44 п.л.).

23. Волкова, Я.А. Условия актуализации агрессивного поведения в агрессивном дискурсе / Я.А. Волкова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы междунар. науч. конф. Волгоград, 29 янв. 2008 г. / ВГПУ, ВолГУ. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. – С. 224–233 (0,7 п.л.).

24. Волкова, Я.А. Эмоциональные концепты агрессивного общения: отвращение и его место в концептосфере агрессии (на материале английского и русского языков) / Я.А. Волкова // Язык. Культура. Коммуникация: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. г. Ульяновск, март 2008 г. / Ульян. гос. ун-т, Ин-т междунар. отношений. – Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2008. – С. 32–36 (0,3 п.л.).

25. Волкова, Я.А. Эмоциональные концепты агрессивного общения: презрение как предпосылка агрессии (на материале русского и английского языков) / Я.А. Волкова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2: сб. ст. / ФГОУ ВПО «ВАГС», ЗАО «Региональная энергетическая служба». – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «ВАГС», 2008. – Т. 1. – С. 44–46 (0,5 п.л.).

26. Волкова, Я.А. Языковая концептуализация агрессии как физиологического процесса / Я.А. Волкова // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / Волгогр. гос. пед. ун-т, Ин-т иностр. языков. – Волгоград: Парадигма, 2008. – Т. 2. – С. 49–55 (0,4 п.л.).

27. Волкова, Я.А. Структурирование эмоциональных концептов (на примере эмоционального концепта «ГНЕВ») / Я.А. Волкова // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: материалы Межрегион. науч. конф. 4 февр. 2009 г. / Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009. – С. 365–370 (0,4 п.л.).

28. Волкова, Я.А. Смех в контексте агрессивного общения / Я.А. Волкова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. 8 февр. 2010 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 139–142 (0,4 п.л.).

29. Волкова, Я.А. Неправильность в концептуальном пространстве межличностной агрессии / Я.А. Волкова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-5: сб. ст.; V Международная научно-практическая конференция (2010; Волгоград) / отв.ред. Г.Г. Слышкин, И.С. Бессарабова. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2010. – С. 47–49 (0,3 п.л.).

30. Волкова, Я.А. Ситуации переориентированной агрессии как разновидность ситуаций скрытого агрессивного общения / Я.А. Волкова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. 8 февр. 2011 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 38–42 (0,4 п.л.).
31. Волкова, Я.А. Методологические основы моделирования концептов эмоций / Я.А. Волкова // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 5-й Всерос. науч. конф. / отв. ред. Г.М. Костюшкина. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 36–41 (0,4 п.л.).
32. Волкова, Я.А. Невербальная агрессия в когнитивно-дискурсивной парадигме / Я.А. Волкова // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд-ния РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – Вып. 9. – С. 38–47 (0,4 п.л.).
33. Волкова, Я.А. Неэкологичность деструктивного общения / Я.А. Волкова // Экология языка и речи: материалы Междунар. науч. конф. (17–18 нояб. 2011 г.) / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 52–55 (0,3 п.л.).
34. Волкова, Я.А. Агрессивность vs деструктивность в неэкологичной коммуникации / Я.А. Волкова // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд-ния РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2012. – Вып. 10. – С. 185–191 (0,4 п.л.).
35. Волкова, Я.А. Эмоции как мотивационная основа деструктивной коммуникации / Я.А. Волкова // *Lingua Mobilis*. – 2012. – № 4 (37). – С. 36–43 (0,4 п.л.).
36. Волкова, Я.А. Роль невербальных компонентов коммуникации в деструктивном общении / Я.А. Волкова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-6: сб. ст. / отв. ред. И.С. Бессарабова, Ю.Г. Семикина. – Волгоград: Парадигма, 2012. – С. 107–113 (0,45 п.л.).
37. Волкова, Я.А. Деструктивность: концепт или концептуальное пространство? / Я.А. Волкова // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л.А. Миловановой. Т. 2: Актуальные проблемы лингвистики. – Волгоград: Парадигма, 2012. – С. 31–36 (0,4 п.л.).
38. Волкова, Я.А. Коммуникативный типаж «хам» / Я.А. Волкова // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию юб. проф. В.И. Карасика: в 2 ч. / отв. сост. В.В. Колесов, М. Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. – С. 506–512 (0,4 п.л.).
39. Волкова, Я.А. Образная составляющая эмоционального концепта «зависть» в русском языке / Я.А. Волкова // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 1(8). – Ниж. Новгород: НГЛУ, 2013. – С. 55–61 (0,4 п.л.).
40. Волкова, Я.А. Метафорические жесты в деструктивном общении / Я.А. Волкова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы VII Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 6 февр. 2013 г. / сост. Н.Н. Остринская, А.А. Простов. – Волгоград: Парадигма, 2013. – С. 153–160 (0,35 п.л.).

41. Волкова, Я.А. Деструктивное общение – вербальная агрессия – языковое насилие: уточнение понятий / Я.А. Волкова // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л.А. Миловановой. – Волгоград: Парадигма, 2013. – С. 207–213 (0,35 п.л.).

42. Волкова, Я.А. К вопросу об экологичности некоторых кинесических компонентов в деструктивном общении / Я.А. Волкова // Язык как система и деятельность-4: материалы Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д.: Изд-во “Foundation”, 2013. – С. 240–244 (0,35 п.л.).

43. Волкова, Я.А. Параметры деструктивного общения в неэкологичной коммуникации / Я.А. Волкова // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В.И. Шаховского. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2013. – С. 317–323 (0,4 п.л.).

44. Soriano, C. Types of anger in Spanish and Russian / C. Soriano, J.J.R. Fontaine, A. Ogarkova, C.M. Quijano, **Y. Volkova**, S. Ionova, V. Shakhovsky // Components of Emotional Meaning. – Oxford University Press, 2013. – P. 339–352 (авт. – 0,2 п.л.).

ВОЛКОВА Яна Александровна

ДЕСТРУКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ
В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 24.02.14. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 120 экз. Заказ 71.

Издательство ВГСПУ «Перемена»
Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27